

 ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 26 ИЮНЬ 1973

ИСТОРИЧЕСКАЯ МИССИЯ МИРА

551-2/16

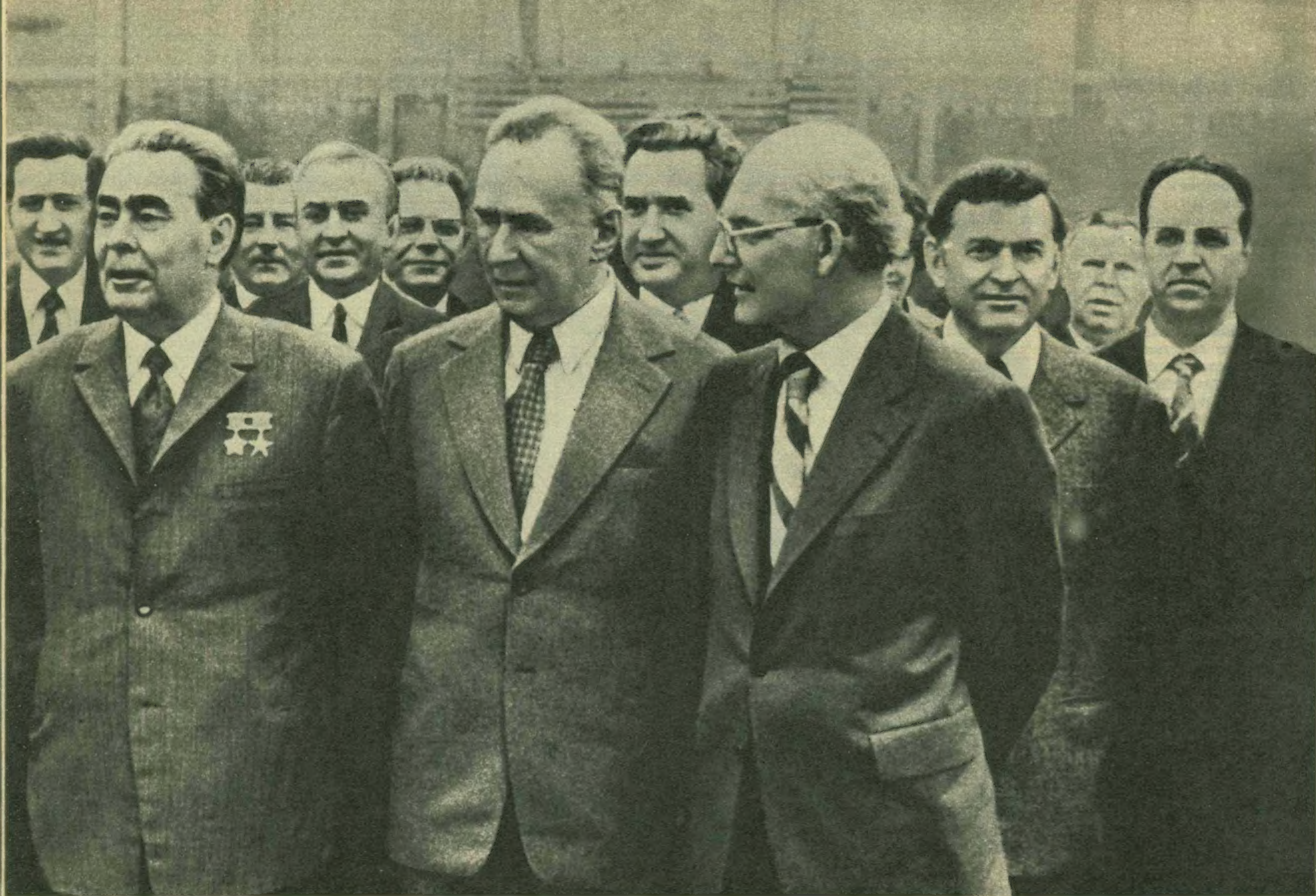

ИСТОРИЧЕСКАЯ

Москва. 16 июня. Проводы на Внуковском аэродроме.

Фото А. КАНАШЕВИЧА и А. СТОЛЯРЕНКО.

МИССИЯ МИРА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года
© «ОГОНЕК», 1973

№ 26 (2399)

23 ИЮНЯ 1973

Визит Генерального секретаря ЦК КПСС, члена Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева находится в центре внимания международной жизни. Печать, телевидение и радио всех стран подробно освещают ход визита и в своих комментариях отмечают его важное историческое значение.

Товарищ Л. И. Брежнев и сопровождающие его лица отбыли из Москвы 16 июня. На Внуковском аэродроме товарища Л. И. Брежнева провожали товарищи Ю. В. Андропов, А. А. Гречко, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Сулов, А. Н. Шелепин, П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, Д. Ф. Устинов, В. И. Долгих, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Ф. Ильяшенко, члены ЦК КПСС П. А. Абрахимов, В. В. Кузнецов, Г. С. Павлов, Н. М. Пегов, К. В. Русаков, К. У. Черненко, Н. А. Щелоков, кандидаты в члены ЦК КПСС М. П. Георгадзе,

С. К. Цвигун, члены Центральной ревизионной комиссии КПСС Е. И. Кусков, Г. К. Цинев, помощники Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, В. А. Голиков.

Среди провожавших находился временный поверенный в делах США в Советском Союзе А. Дабс.

По пути в США в тот же день товарищ Л. И. Брежнев и сопровождающие его лица сделали непродолжительную остановку на острове Ньюфаундленд. 16 июня Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев прибыл в США. Официальная церемония встречи в соответствии с принятым в США протоколом состоялась в Вашингтоне 18 июня.

Церемония состоялась у Белого дома. В 10 часов 30 минут утра по местному времени специальный вертолет из Кэмп-Дэвида приземлился у Белого дома. Леонида Ильича Брежнева тепло приветствуют Президент США Ричард Никсон и его супруга.

Вместе с Л. И. Брежневым прибыли со-

14 июня в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял послов социалистических стран.

В состоявшейся дружеской беседе Л. И. Брежнев остановился на основных моментах деятельности КПСС и Советского государства по осуществлению Программы мира.

В беседе приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, член ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС К. В. Русаков.

Фото ТАСС.

проводящие его в поездке член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев, министр гражданской авиации Б. П. Бугаев, помощники Генерального секретаря ЦК КПСС Г. Э. Цуканов, А. М. Александров, генеральный директор ТАСС Л. М. Замятин, директор Института США АН СССР Г. А. Арбатов, член коллегии МИД СССР Г. М. Корниенко.

Высокого советского гостя и сопровождающих его лиц приветствуют члены комитета по встрече во главе с государственным секретарем США У. Роджерсом, сотни жителей Вашингтона, большая группа советских и американских журналистов, представителей печати других стран.

Л. И. Брежнев и Р. Никсон входят в строй почетного караула. Затем Генеральный секретарь ЦК КПСС и Президент США направляются к трибуне. С приветственной речью выступил Президент США Р. Никсон.

— Сейчас мир, — сказал Р. Никсон, — возлагает свои надежды на нас, на наши предстоящие встречи. Я уверен, господин Генеральный секретарь, что в ходе наших встреч на этой неделе мы не обманем этих надежд.

В ответной речи Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, в частности, сказал:

— Я и прибывшие со мной товарищи готовы хорошо потрудиться для того, чтобы переговоры, которые мы будем вести с Вами, г-н Президент, и с другими американскими государственными деятелями, оправдали надежды наших народов и послужили интересам мирного будущего всех людей.

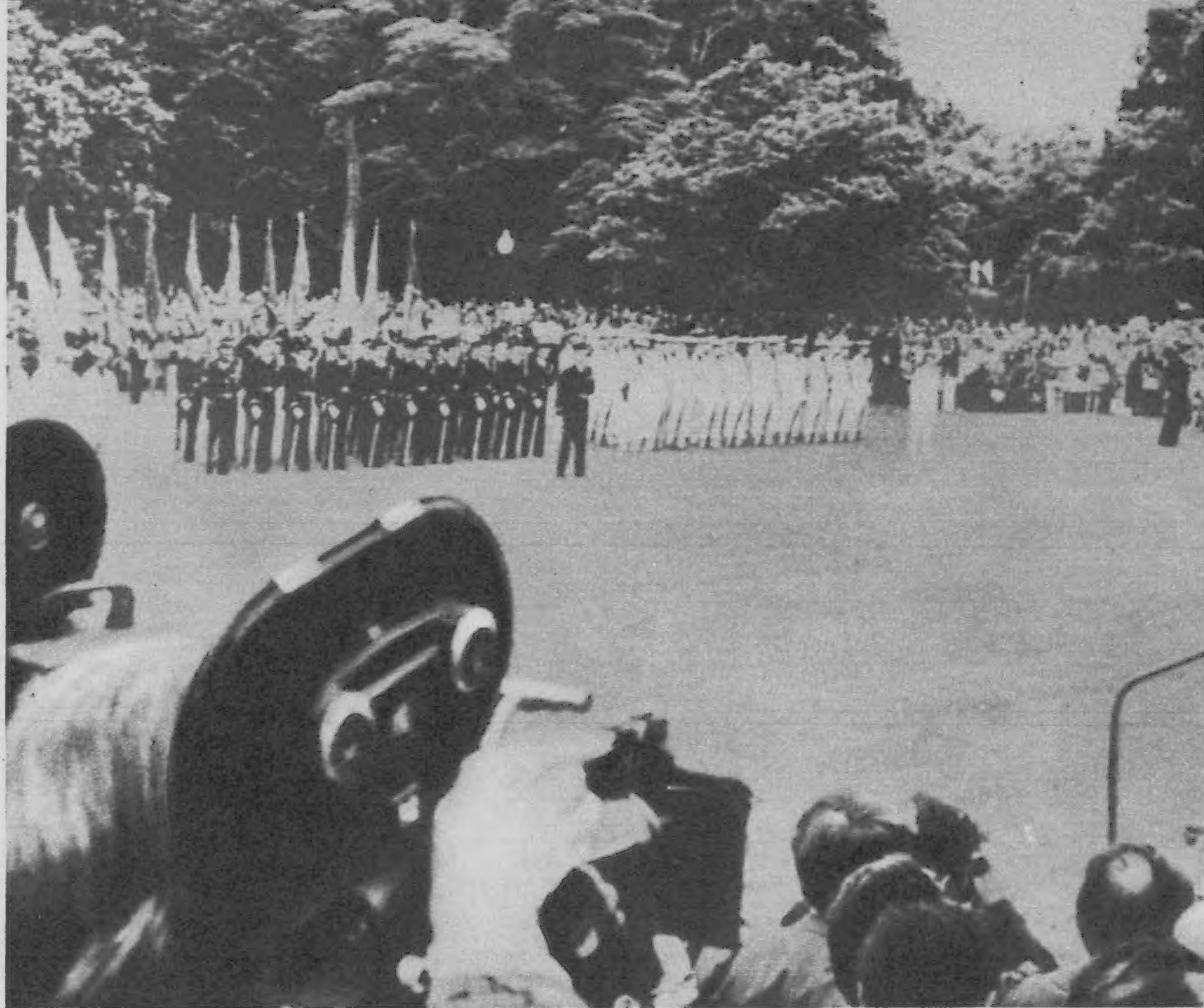
В тот же день 18 июня в Белом доме начались переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Президентом США Ричардом М. Никсоном.

Обменявшись мнениями о том, как складывались советско-американские отношения за время, прошедшее после московской встречи в мае 1972 года, Генеральный секретарь ЦК КПСС и Президент США отметили, что в целом эти отношения развивались благоприятно.

В ходе переговоров 18 июня было продолжено обсуждение возможных новых областей сотрудничества на основе подписанного в мае 1972 года совместного документа, определяющего принципы взаимоотношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки.

В переговорах приняли участие с советской стороны: член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, посол СССР в США А. Ф. Добрынин; с американской стороны: государственный секретарь США У. Роджерс, помощник Президента США по национальной безопасности Г. Киссинджер.

Сообщения и репортажи о визите товарища Л. И. Брежнева публикуются мировой печатью на самых видных местах. В статьях и комментариях подчеркивается огромное значение советско-американской встречи в верхах не только для развития отношений между двумя странами, но и для оздоровления международного политического климата.

ВСТРЕЧА НА АМ

16 июня полицейский Р. Амон, как обычно, стоял на посту у главных ворот Белого дома. Был полдень. Вереницы туристов, извиваясь узкой змейкой вдоль решетчатого забора, вливались в ворота, тянувшись через зеленый газон и исчезали под белыми сводами здания. Шла традиционная процедура осмотра резиденции американских президентов, дозволенная в определенные дни и часы.

Привычно заступая на свой пост, Амон не ждал от дежурства ничего необычного. Его дело — следить за порядком, зорким, наметанным глазом просвечивать каждого, пересекающего линию ворот, и в то же время чутко прислушиваться к висящему на поясе ремне портативному радиопередатчику, который беспрерывно что-то бормочет и держит полицейского в постоянном служебном напряжении.

Но в это дежурство Амону было трудно протреливать глазами насквозь каждого идущего мимо него и прислушиваться к радиоголосу начальства. Дело в том, что ему пришлось выступать в непривычной роли информатора. Почти каждый проходящий мимо него спрашивал об одном и том же: когда в Белый дом прибудет Ге-

неральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. И Амон отвечал и отвечал, что он прилетает в США сегодня, в субботу, во второй половине дня и будет в Белом доме в понедельник.

Какое-то время я со стороны с интересом наблюдал за полицейским, поймавшим в столь необычную ситуацию. Потом подошел к нему, представился, и его озабоченное лицо расплылось в приветливой улыбке. Мы вместе с ним начали отвечать на вопросы о предстоящем визите Леонида Ильича Брежнева. Амон был явно благодарен мне за добровольную помощь и мог наконец внимательно присматривать за входящими и прислушиваться к своему радиопередатчику.

Затем его вежливые коллеги-полицейские, обратив внимание на установившийся между нами контакт, дали нам возможность отойти от ворот в сторону и побеседовать. Сам Амон оказался вполне осведомленным о предстоящем визите и его целях и, уставший, наверное, от бесконечных вопросов туристов, начал интервьюировать меня.

Молодой, симпатичный парень, в тщательно пригнанной и отутюженной форме, в элегантных темных очках, он, невзирая на службу, спешил расспросить меня и о предстоящем визите, и о нашей

стране, и о моей работе в Москве.

Этот день, 16 июня, как и несколько предшествовавших ему, был отмечен всеобщим интересом к предстоящему визиту Л. И. Брежнева в США. Распрощавшись с Амоном, я направился на митинг, устроенный совместно несколькими политическими и общественными организациями столицы. Собравшиеся внимательно слушали сменявших друг друга ораторов. Несмотря на то, что они представляли разные взгляды и организации, главная тема была общей — за мир, за дружбу между народами, за сотрудничество.

Я пробирался среди плотно стоящих людей, извиняюсь за то, что отвлекаю их, и расспрашиваю о цели митинга и намеченной затем демонстрации к Белому дому. Извинения мои оказываются излишними. Каждый, узнав, что я советский журналист, охотно отвечает на вопросы. И тут же в беседе вклиниваются стоящие вокруг. В бурлящем водовороте лиц и слов только успевай ловить реплики и отвечать на них. Впрочем, стоит задать вопрос, как на него отвечают сразу несколько человек, дополняя друг друга и споря между собой.

А потом все собравшиеся направляются по улицам столицы к

Вашингтон. 18 июня. Официальная церемония встречи у Белого дома. Телефото специальных корреспондентов ТАСС В. МУСАЭЛЬЯНА и В. СОБОЛЕВА.

успех. Никсон сказал, что это предсказание сбылось, так как результаты московских встреч оказались очень продуктивными.

Л. И. Брежнев, приветливо и чуть устало улыбаясь, прошел вдоль стоящих у самолета советских дипломатов и журналистов, перебросился репликами с несколькими из них. Школьники советской колонии в Вашингтоне преподнесли ему цветы. Затем Леонид Ильич и сопровождающие его лица сели в вертолет и вылетели в отведенную резиденцию.

Вся эта процедура продолжалась всего 13 минут, но по глазам и лицу Леонида Ильича было видно, что эта первая встреча с советскими людьми на американской земле взволновала его.

На другой день после прилета Л. И. Брежнева американская пресса, телевидение и радио развернули еще более активную деятельность по освещению визита и предстоящих переговоров на высшем уровне. Сообщения о прибытии Л. И. Брежнева передавались 16 июня американскими радиостанциями через каждые полчаса. Эти же сообщения были главной новостью во всех вечерних выпусках последних известий. Столичная газета «Вашингтон

ЕРИКАНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Белому дому. Я иду в их рядах вместе со своими новыми знакомыми. Беседа продолжается на ходу.

Гремят громкоговорители организаторов демонстрации. По сторонам четкими рядами движутся на мотоциклах полицейские. На обочинах тротуаров стоят люди.

Подойдя к Белому дому, демонстранты выше всех подняли один большой лозунг: «Добро пожаловать, Леонид Брежнев!» С этим визитом Л. И. Брежнева связаны чаяния и надежды многих американцев, выступающих за мир и дружбу.

Лозунг был ко времени: в этот день в США прибывал Л. И. Брежнев. В 16 часов 34 минуты самолет коснулся американской земли. Встреча была неофициальной. У трапа Леонида Ильича приветствовал государственный секретарь США У. Роджерс. В этот самый момент брызнул теплый, летний дождь, и Роджерс, улыбаясь, сказал: «Это «пшеничный дождь», который в Америке считается очень хорошим предзнаменованием». Тут же и прибывшие и встречающие вспомнили, что в момент прилета в Москву Президента Никсона в мае 1972 года тоже шел небольшой дождь. Позже, уже вернувшись в США, Никсон рассказывал, что этот дождь ему назвали «грибным», сулящим

Вашингтон. 18 июня. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Президент США Р. Никсон обходят строй почетного караула.

пост» поместила на первой полосе фото об отлете Л. И. Брежнева из Москвы. Газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала два фото в связи с его прибытием. «Вашингтон пост» в том же номере напечатала пять статей по поводу визита. «Нью-Йорк таймс» — четыре и еще две статьи о внутренней и внешней торговой политике Советского Союза.

В редакционной статье газеты «Нью-Йорк таймс», озаглавленной «Визит Брежнева», отмечается, что его прибытие в США является признаком очень значительной оттепели в «холодной войне». «Народ сегодня,— говорится в статье,— несомненно, встретит господина Брежнева с уважением, достойным руководителя великой державы, с которой наша страна желает жить в мире и дружбе». Обозреватели телевизионной компании «Эн-Би-Си» Соренсен и Эбен заявили, что две великие державы «прочно вступают на путь новых отношений, начинают говорить на другом языке, языке мира и торговли».

Газета «Дейли уорлд» под аншлагом «Мирное сосуществование», развернутым на целую полосу, дает портреты В. И. Ленина и Л. И. Брежнева с их высказываниями на эту тему.

Многие американские обозреватели отмечают деловой и взаимовыгодный характер развивающихся американо-советских отношений. Отсюда следует логичный вывод о том, что такие отношения способствуют делу мира и могут процветать только в благоприятном политическом климате.

Центральный Комитет Коммунистической партии США направил приветственную телеграмму Л. И. Брежневу. В приветствии, в частности, говорится: «Ваше присутствие здесь делает социализм живым примером. Вы представляете страну, которая за 55 лет превратилась из страны, находившейся в состоянии колоссальной отсталости, в современное промышленное государство,— и все это благодаря социализму. Вы представляете силу победившего рабочего класса, который возглавляет государство всего народа. Вы представляете народ, который с энтузиазмом строит новую жизнь, строит коммунизм в СССР, и это дает ему счастье.

Ваш визит позволяет еще нагляднее сравнивать две общественные системы — капитализм, с его кризисами, нестабильностью, безработицей, расизмом и гнетом, и Советский Союз, социалистическую страну, многонациональное государство, ликвидировавшее безработицу, расизм и гнет и ставящее перед собой высшие гуманные цели. Мы считаем, что это делает Ваш визит еще более важным».

У любого народа, в том числе у американского и советского, немало своих дел. Их успех во многом зависит от международной обстановки. Об этом думалось, когда Президент Р. Никсон выступал на днях по американскому телевидению. Президент выглядел явно озабоченным. Он говорил об инфляции в США, росте цен на продукты и предметы первой необходимости и о мерах, направленных на улучшение экономического положения в стране. В заключение президент подчеркнул

Вашингтон. 18 июня. Во время переговоров между Л. И. Брежневым и Р. Никсоном.

важность предстоящей встречи с Л. И. Брежневым и выразил уверенность в ее успехе, в «процветании без войны».

18 июня состоялась официальная, торжественная церемония встречи Л. И. Брежнева у стен Белого дома.

Леонид Ильич прибыл к Белому дому на вертолете из отведенной ему резиденции в Кэмп-Дэвиде. На газонах Белого дома и вокруг него тысячи американцев и иностранных корреспондентов встретили аплодисментами и приветственными возгласами вертолет, плавно опустившийся у Южных ворот. Через несколько минут черный лимузин доставил Леонида Ильича Брежнева на Южную лужайку Белого дома, где и состоялась официальная, торжественная встреча. Леонида Ильича при выходе из автомашины тепло приветствовали Президент США Никсон и его супруга.

Богатая июньская зелень, белоснежные стены Белого дома, живописная парадная форма почетного караула и еще более яркие летние наряды женщин, серебряные трубы оркестра, орудийный салют — все это, разумеется, придало встрече соответствующую ей торжественность. И в то же время самое сильное впечатление на собравшихся произвела не четкая официальная церемония, а та теплая атмосфера, которая воцарилась на Южной лужайке с момента первого рукопожатия руководителей двух великих держав. Вышедшая в тот же день вскоре после этой церемонии вашингтонская газета «Ивнинг стар» пишет: «С того самого момента, когда прибыл лимузин Брежнева, вся церемония прошла сердечно и неофициально».

Короткие, но емкие по смыслу выступления Л. И. Брежнева и Р. Никсона также оставили глубокое впечатление и широко цитируются в прессе, по радио и на телевидении. Та же газета «Ивнинг стар» дала отчет об этой встрече под таким аншлагом: «Переговоры на высшем уровне начались, ожидается прогресс».

Собравшиеся на лужайке вокруг возвышения, с которого выступали Л. И. Брежнев и Р. Никсон, имели возможность не только слышать их слова, но и ощущать ту атмосферу, в которой они произносились. Стоя в первом ряду корреспондентов, я находился в пяти метрах от трибуны и видел, как оба лидера были взволнованы происходящим. В какой-то степени то же самое могли наблюдать и миллионы, десятки миллионов телезрителей как в США, так и в Советском Союзе.

После того, как Л. И. Брежнев и Р. Никсон обошли строй почетного караула, они направились к собравшимся здесь американцам. Трижды Леонид Ильич подходил вплотную к ним и обменивался рукопожатиями, чем вызвал у них бурю восторга.

Затем Л. И. Брежнев и Р. Никсон поднялись на балкон и оттуда проследовали в Овальную зал, где начались переговоры, благоприятного исхода которых люди ждут с нетерпением и надеждой.

В. НИКОЛАЕВ, ДМ. БАЛЬТЕРМАНЦ,
специальные корреспонденты
«Огонька»

Вашингтон, июнь.
По телефону.

УСПЕХИ МИРНОГО НАСТУПЛЕНИЯ

Николай ПАСТУХОВ

Никогда еще история так стремительно не развивалась, как это происходит сегодня на наших глазах. Бурные перемены в международных отношениях, которые принимают необратимый характер, свершаются под воздействием советской Программы мира, благотворного влияния идей социализма на жизнь всего человечества. Ныне слова «социализм» и «мир» становятся синонимами, на каких бы языках планеты они ни звучали.

Люди доброй воли всех стран следят сейчас за ходом переговоров в Вашингтоне между Генеральным секретарем ЦК КПСС, членом Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым и Президентом США Р. Никсоном.

Развитие в добром направлении советско-американских отношений, охвативших широкую сферу делового, взаимовыгодного сотрудничества, оказывает позитивное влияние на всю международную обстановку, направляя ее в русло мира и безопасности.

Недавно был сделан еще один новый шаг по обеспечению мира на многострадальной вьетнамской земле. Член Политбюро ЦК Партии трудящихся Вьетнама Ле Дык Тхо и помощник Президента США по национальной безопасности Г. Киссинджер подписали документ, который определяет конкретные формы и методы строгого соблюдения всех положений парижского соглашения: обеспечение полного прекращения огня; запрещение всех видов террора, мести и дискриминации; США приняли обязательство немедленно прекратить все разведывательные полеты над ДРВ и в месячный срок завершить разминирование ее территориальных вод.

Завершен важный период подготовки общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества. Проходившие с ноября 1972 года в зале Политехнического института Диполи близ Хельсинки многосторонние консультации подошли к своему финишу: принято единодушное решение открыть первый этап общеевропейского совещания 3 июля в столице Финляндской Республики.

Находясь в эти дни в Хельсинки, я был свидетелем того огромного удовлетворения, которое это известие вызвало буквально во всех кругах Финляндии. Видный общественный деятель Сэппи Канерва сказал мне:

— Благодаря усилиям стран социалистического содружества Европа сейчас переживает период полного обновления. Я не сомневаюсь в том, что на фундаменте, заложенном в Диполи, будет воздвигнуто прекрасное здание новой Европы, из окон которой мы будем видеть чистое небо, мирное созидание, благотворное сотрудничество и светлое будущее для грядущих поколений.

Общеевропейское совещание, как гласит рекомендация многосторонних консультаций, будет проходить на уровне министров иностранных дел. В его работе имеют право участвовать все европейские государства, Соединенные Штаты Америки и Канада. Генеральный секретарь ООН будет присутствовать в качестве почетного гостя на торжественном открытии совещания. Жребий быть председателем на первом рабочем заседании выпал министру иностранных дел Германской Демократической Республики.

Уже сейчас по многочисленным комментариям европейской и заокеанской печати можно судить о том, что на совещании в Хельсинки речь пойдет о создании системы принципов, позволяющей Европе вступить в новый исторический период мирного сосуществования, период, который навечно перечеркнет ее кровавое прошлое.

Болгарская газета «Работническо дело» в редакционном комментарии подчеркивает, что «общеевропейское совещание — уникальная в истории по своему характеру и задачам международная конференция, призванная сыграть большую роль и закрепить неотвратимые позитивные процессы на международной арене. Европейская безопасность на практике означает выработку кодекса мира и добрососедства, основанного на принципах мирного сосуществования. Это главное, что будет определять работу общеевропейского совещания, и вселяет в нас оптимизм».

Вместе с тем нельзя не отметить и тот факт, что реакционным империалистическим и милитаристским силам приходится не по нутру создание надежной системы европейской безопасности. В кругах НАТО все еще раздаются голоса приверженцев «холодной войны», политики блоков и перекройки карты Европы. В унисон с ними выступает и пекинское руководство, которое делает все, чтобы помешать созыву совещания и разрядке напряженности в Европе. Эти великодержавно-шовинистические амбиции Пекина в корне противоречат жизненным интересам народов. Действия противников разрядки напряженности, от каких бы кругов они ни исходили, единодушно осуждаются мировой прогрессивной общественностью.

События международной жизни еще и еще раз подтверждают правильность исторических выводов международного Совещания коммунистических и рабочих партий, состоявшегося четыре года назад в Москве. Оно вооружило мировую систему социализма, международный рабочий класс, национально-освободительное движение программой совместной борьбы во имя лучших идеалов человечества. Плоды этой борьбы сегодня налицо.

СТРАНА ВЫБИРАЕТ ДОСТОЙНЫХ

Выборы в местные Советы прошли под знаком нерушимого единства партии и народа.

Рано просыпались в это воскресное утро граждане Страны Советов. Уже в шесть часов улицы городов и сел полнились народом. Празднично выглядели не только крупные промышленные центры, но и самые маленькие поселки. Улицы принарядились: флаги, яркие плакаты, цветы. Над всей советской землей — от Бреста до Курил, от Новой Земли до Кушки — витал дух большого торжества: советские люди спешили исполнить гражданский долг, отдать голоса за своих избранников в местные Советы депутатов трудящихся.

К выборам готовились долго и серьезно. Дату 17 июня можно было увидеть не только на лозунгах предвыборной кампании, но и в социалистических обязательствах трудовых коллективов. На Московском заводе имени Владимира Ильича за выполнение личных производственных заданий полугодия к 17 июня соревновались 755 рабочих. А 31 мая весь коллектив завода рапортовал об успешном выполнении заданий первой половины девятой пятилетки. Бригада сталеваров с волгоградского завода «Красный Октябрь», возглавляемая Героем Социалистического Труда А. Сергеевым, 17 июня несла ударную вахту в честь выборов. В этот день она дала сверх плана более 50 тонн легированной стали. Всего на счету бригады уже шестьсот тонн металла, выплавленного дополни-

тельно к заданию с начала третьего, решающего года пятилетки.

Нашей стране не привыкать к размаху, к масштабности свершений. Но когда в день выборов люди вспоминали о последних своих достижениях, весомость сделанного вызвала законную гордость. Киевляне отмечали, что за два последних года население их города возросло более чем на сто тысяч человек. Жители столицы Литвы рассказывали, что за те же два года в Вильнюсе построены десятки тысяч новых квартир, много школ, детских садов, магазинов. И во всем этом — усилия депутатов местных Советов.

Может быть, с особой силой осознают значимость наших достижений те советские люди, которым по долгу службы приходится соприкасаться с жизнью иных стран, иного мира. Экипаж теплохода «Анри Барбюс», следующего из Неаполя в эквадорский порт Пуэрто-Боливер, в день выборов прислал в родной Владивосток такую радиограмму: «Сталкиваясь с капиталистической действительностью, мы еще ярче ощущаем преимущества нашей социалистической демократии»...

17 июня люди дружно голосовали за кандидатов нерушимого блока коммунистов и беспартийных. За Родину, за партию коммунистов, за светлое будущее страны отдавал свои голоса советский народ.

Московская область. Голосует токарь колхоза «Ленинский луч», Красногорского района, В. Монин.

Фото Н. Акимова (ТАСС).

Москва. 17 июня. На избирательном участке № 2 по выборам в Московский городской и Краснопресненский районный Советы депутатов трудящихся. Олимпийский чемпион и чемпион Европы по боксу Вячеслав Лемешев с женой Оксаной.

Фото В. Ун Да-сина (ТАСС).

В МУЗЕЕ В. И. ЛЕНИНА

14 июня в залах Центрального музея В. И. Ленина открылась выставка произведений народного художника СССР Николая Николаевича Жукова, посвященная 70-летию II съезда РСДРП. Выставку открыла директор Центрального музея В. И. Ленина Кривошеина.

Содержательная, выразительная, драгоценная своей вдумчивой правдой о Ленине, о партии выставка вместила около ста шестидесяти рисунков, пастелей, акварелей, автолитографий, созданных художником за четверть века. На открытии выставки президент Академии художеств СССР Н. В. Томский вручил Н. Н. Жукову Золотую медаль Академии художеств, которой художник награжден за созданный им к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина альбом из ста рисунков, посвященных Ильичу.

Н. В. Томский вручает Н. Н. Жукову Золотую медаль Академии художеств СССР.

Мир пришел на эту землю.

УСПЕХ ВЬЕТНАМСКОГО НАРОДА

Этот снимок в редакцию прислал собственный корреспондент «Правды» А. Сербин, который побывал в освобожденных районах Южного Вьетнама. Мир пришел на израненную бомбами и минами землю. Еще совсем недавно стратегические бомбардировщики устилали поля огненными «коврами». Теперь крестьяне сажают здесь рис...

Пятница 15 июня 1973 года вошла в календарь борьбы вьетнамского народа как день нового большого успеха на пути восстановления подлинного мира во Вьетнаме. В этот день в силу вступили приказы о прекращении огня, отданные главным командованием Народных вооруженных сил освобождения Южного Вьетнама и верховным командованием сайгонских вооруженных сил. Эти приказы вошли в действие в соответствии с положением совместного коммюнике, подписанного 13 июня в Париже всеми четырьмя сторонами, чьи подписи стоят под соглашением от 27 января о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме.

Заседание жюри.

Фото М. Савина.

КОНКУРС

ПУТЕШЕСТВИЕ
В ИСТОРИЮ ЧССР

**КОНКУРС
ЗАВЕРШЕН**

Состоялось заседание жюри конкурса «Путешествие в историю Чехословакии». В его работе приняли участие первый секретарь Пушкинского ГК КПСС Е. Г. Аврушин, советник посольства ЧССР в СССР И. Гадравек, заместитель главного редактора газеты «Совет-

ская культура» Б. В. Иванов, заведующая отделом социалистических стран журнала «Огонек» Н. А. Иванова, советник посольства ЧССР в СССР И. Кремпа, корреспондент журнала «Огонек» Н. А. Крылова, заместитель директора Института славяноведения и балка-

истики АН СССР А. И. Недорезов, ответственный секретарь Центрального правления Общества советско-чехословацкой дружбы Б. Г. Раевский, главный редактор журнала «Огонек» А. В. Софронов, ответственный секретарь журнала «Огонек» Ю. Н. Сбитнев, старший научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Ю. Н. Щербаков.

На конкурс поступило 2 200 писем и альбомов. Жюри отметило, что читатели проделали большую работу в подготовке материалов, посвященных советско-чехословацкой дружбе, и присудило премии за лучшие ответы. Список лауреатов конкурса будет опубликован в следующем, 27-м номере журнала.

В редакции «Огонька» была устроена выставка всех альбомов и писем, присланных в адрес конкурса. Выставку посетила группа ответственных сотрудников посольства ЧССР в СССР во главе с советником-посланником З. Хебеном. Среди гостей «Огонька» были ответственные работники ЦК КПСС, МИД СССР, секретарь правления Союза журналистов СССР В. П. Жидков, чехословацкие корреспонденты.

На выставке работ участников конкурса.

Фото Б. Кузьмина.

К. Наджаф-заде (Баку). МОРЕ И Я.

Выставка произведений художников
Грузии, Армении и Азербайджана.

Д. Косьмин (Москва). НА ЕНИСЕЕ.

Всесоюзная художественная выставка «СССР — наша Родина».

Б. Поморцев (Петрозаводск). В ЗАОНЕЖЬЕ.

Художественная выставка «По родной стране».

Юрий СБИТНЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Копырев приподнялся, всем видом показывая свое возмущение.

Следователь махнул на него рукой:

— Ты чего? Чего ты? Ладно, сядь! Я ведь тебе по-мужичьи, понимаешь, по-мужичьи. У меня у самого жинка не сахар, но тебе не завижду.

— Гражданин следователь!—Голос у Копырева срывался.—Зачем вы?..

Рябчук не дал закончить ему:

— Зачем, зачем! Дурак ты этакий! Затем, что она пишет, что пьян ты, что пропивал все, что дети твои поэтому в детдоме живут, что дома одна только кровать и та непокрытая, что нитки тебе в дому не принадлежат, что место тебе давно в тюрьме уготовано!.. Вот зачем! А ты мне, как попугай, одно и то же тарыхтишь да тараторишь! Ты зачем, скажи,

К ночи в камеру пришел Ручьев. Сел на топчан, сказал:

— Я секретарь райкома партии Ручьев, расскажите, как все было.

— Я уже говорил, больше мне нечего говорить.—Копырев, встав при появлении Ручьева, так и стоял, прижавшись спиной к стене.

— Садитесь. Я знаю, что вы рассказывали. Читал. Сам хочу услышать.

— Что же мы, так тут и будем?—вдруг почувствовав обиду, спросил Копырев.—Тут ведь душно, пахнет плохо. Не место это для разговора.

— Ну, если не место, пойдёмте в следственную.

— Пойдёмте.—Копыреву стало вдруг все безразлично... Ему хотелось одного: чтобы скорее ушел Ручьев. Нет, не узнал его Иван Иванович.

Топчан

-Н

у вот, паря, я и машинку припер. А ну, выходи на свет.—Чироня, гремя замком, отпирал дверь.—Ты чо, паря? А?

— От дыму это. Нажег глаза в тайге-то шибко, вот текут и текут,—улыбнулся грустно Копырев, выходя из камеры и отирая ладонью лицо.

— Нады чаем промыть. Я те, паря, принесу чаю-то, заварим, значит, крепкого чифиру.

Стриженым Копырев стал похож на беспомощного птенца. Разом вытянулся нос, обозначились скулы, словно бы усохло и стало маленьким личико, оттопырились уши, а большие влажные глаза с какой-то животной печалью глубже запали в глазницы. Неоперившимися крыльями торчали плечи с резко выступающими лопатками.

— Скажи-ко, как волос человека красит!—удивился Чироня.—Ну, ладно, иди в камеру. Запру тебя! Надо еще до Ручьева добечь. Мож, застану. Ты сиди, паря, тихо. Спи лучше. Давно не спал-то?

— Давно.

— Вот с того и шибит у тебя слеза.

Копырев лежал в душной, вонючей камере, разбитый усталостью, воспоминаниями, бессонницей, которая мучила его.

Ненадолго вызвал его Рябчук. Полистал уже пухлую папку дела. Задал несколько пустячных вопросов, а потом сообщил:

— На мой запрос пришло письмо от вашей жены. О-ей-ей!—Рябчук сокрушенно покачал головой.—Не дай-то бог с этой бабой оказаться!..

себя в тюрьму сажаешь? А? Не поджигал ты! Понял? И вещи не проживал! Она ведь, зараза-то твоя! Да, да, зараза! Боится, что опишут все. И правильно боится. Тебе за разор такой не одну тысячу платить надо... Я хочу от тебя правду слышать, понял ты?.. Эх, Копырев, Копырев, зачем ты себя так? А?

Рябчук сел на скамейку, опустил голову, и Копырев заметил на его лысине крупные капли пота. Следователь долго молчал, потом спросил:

— Вы что-нибудь можете добавить к тому, что показывали раньше?

— Нет.—Копырев отрицательно покачал головой.

— Значит, все, как было при предыдущих допросах?

— Да.

— Ну что же, Копырев, тогда с вами все ясно. И дело яснее ясного. Поджег, ну и получишь свое. Эх ты, стрелочник! Кашмылов!—Чироня вырос на пороге.—Уведите арестованного.

— Гражданин следователь.—Копырев сделал шаг к Рябчку.

— Да?

— Если можете, попросите судью, чтобы не зачитывал письма... жены...

Копырев лежал не двигаясь, устремив неподвижный взгляд в потолок.

«Это Фаина, конечно, из-за детей. Из-за них, конечно. Опишут все, опишут... Куда она с оравой такой денется? Меня, наверное, надолго... Конечно, из-за детей. Ну, что же, я понимаю... Я все понимаю. Я ей напишу, скажу, что все понимаю... Только зачем этот... ну этот, о котором пишет Танечка...»

— Я к вам, понимаете, ну, что ли, неофициально. По-человечески, понимаете? Не произошла ли какая-нибудь судебная ошибка?

— Это вам следователь Рябчук чего-нибудь наговорил?

— Нет. Я просто-напросто как свидетель, ну, как человек, как, наконец, руководитель буду требовать применить к вам самое жестокое по закону наказание. А потому хочу убедиться — вы ли, точно ли вы виноваты?

— Об этом я говорил уже.

— Ну что ж, значит, не хотите рассказать мне все, что было?

— Я уже рассказал. Есть просьба к вам только.

— Какая?

— Тут вот пришло письмо...

— От жены?

— Да. Вы уже знаете? Я прошу, Иван Иванович, не надо семью впутывать в это дело... Не надо... Я прошу...

Ручьев молча смотрел в лицо Копырева, что-то вспоминая.

— Я все рассказал... Все... Все... Вы меня не узнали, Иван Иванович? Ваня я, бригадир с лесоповала.

— Ваня! Какой Ваня? Лесоповал... Какой лесоповал?—Ручьев теребил седой ежик волос.—Ваня... Ах, да, Копырев! Вон оно что! Что ж ты так, Ваня, а? Старый вроде, тебе сколько?

— Да и вы вон седой весь... Сорок мне, Иван Иванович.

— Сорок... Да, да... Это ж двадцать лет, выходит, назад?

Копырев кивнул.

— Чего же ты плачешь, Ваня?

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—25.

— Людей жалко... Тайги... Там звери... Видел я, детишек своих тащили... А один соболь несет, несет щенка... а он, щенок, мертвый. Она, мать-то, соболиха, мертвого детеныша несла... Видел это я,—торопясь и чувствуя, как высыпают слезы, говорил Копырев.—Потом там еще девушка... геолог. Сюда ее привезли... Плохо ей... Да и людям всем, ведь горе какое...

Ручьев понимал его, согласно кивал головой.

— Не надо было бы сажать меня, не убер бы я, Иван Иванович.

— Ты всю правду-то сказал, Иван, как по отчеству-то?

— Терентьич.

— Иван Терентьич, а?

Копырев опустил голову; слезы о том ушедшем, дальнем времени душили его. Не отвечая на вопрос, трудно спросил:

— А она-то, Лена... жива? Тут живет или...

— Лена... Помнишь? Тут она, куда деться ей? Мужняя жена, четверо у нее детишек.

— Я ее на пожаре вроде бы видел. Там она?—еще больше волнуясь и заикаясь, спросил Копырев.

— Там, где же ей быть. Все там. Такого пожара и старики не помнят. Что же ты наделал, Иван Терентьич? Эх ты, из-за лишнего рубля для себя столько горя всем. Тогда на женитьбу зарабатывал, а сейчас на что?—Копырев не ответил, да Ручьев и не ждал от него ответа.

Думал он сейчас о том, прошедшем. «Сколько воды утекло с тех пор? Сколько? Ах ты, черт возьми, судьба, судьба. Людские судьбы! Жизнь! Ванюшка Копырев, молоденький бригадир на повале, увлеченный. Чистый, как снег в тайге. У них тогда, кажется, была настоящая любовь с той девушкой. Боже мой, девушкой! Сколько раз потом, встречаясь с ней, и не подумал о той любви, а теперь вот... Почему же не получилось у них? Встретились! Ведь друг для друга и пришли на землю. И вот... Ни у нее, ни у него...»

— Мне можно идти, Иван Иванович?—спросил Копырев, и Ручьев, не поднимая головы, ответил:

— Да, да, идите.

— Закрой за мною,—сказал Копырев Чироне и пошел в камеру, еще больше сгорбившись и глубже упрятав стриженую голову в плечи. Что-то, что он еще и сам не мог понять, изменилось в нем. Он будто бы заново увидел всю свою жизнь, все, что произошло с ним, и все, что должно произойти.

Ответственности Копырев не боялся, но то, что раньше казалось ему по крайней мере верным и благородным поступком—взять всю вину на себя,—теперь вдруг обратилось в подлость, которую он совершал ради того, чтобы скрыть истину. А разве, если он скажет правду, не будет гореть тайга, не будут такие, как Аксентьев и Хаенко вместе с Ефимовым, гнать план, выбивать премию?.. Разве что-нибудь изменится?.. Что его маленькая правда?.. Но она все-таки правда, какая угодно, крохотная, мизерная, но все-таки правда. Зачем же он готов предать эту правду? Ведь с ним уже так было. Он предал ту девушку, Лену, он обманул себя, а значит, и ее. Он предал правду их чувств, не сказал эту правду ни себе, ни ей—Лене, ни Фаине. Он один оплачивает всю жизнь ту ошибку. Ошибку ли? И один ли?.. Нет, так больше нельзя, нельзя так больше...

Ручьев готовил село к обороне. Дни эти принесли ему не только громадные хлопоты, нечеловеческую напряженность, настоящее горе, но, как ни странно, принесли они и истинную человеческую радость. Тут, на пожаре, Ручьев вдруг до самого донышка увидел всю свою жизнь, он ощутил не то чтобы доверие—веру в него людей. Веру, которая вела их на любое дело, на которое посылал он их. Люди, как бы все разом, раскрыли Ручьеву души.

К вечеру прибыло еще пять вертолетов с солдатами и приземлились три «ИЛ-14». Летчики сажали машины вслепую, заходя с Авлакана на село, и медленно, почти касаясь крыш, скатывались к посадочной площадке. Дым стал гуще. Тучи пепла плавали над селом и медленно оседали черным снегом. На реке, как в пору ледостава, появились забереги, только были они черными, черная шуга шла по Авлакану.

В этот вечер Ручьев впервые забежал домой, нагрел воды, помылся и не заметил, как заснул.

Проснулся скоро, рывком поднялся с дивана, почувствовав, что сон не освежил, а, наоборот, расслабил. В комнате было душно, но плотно закрытые двери и ставни не пропускали дыма, и в этой духоте все-таки дышалось легче, чем на улице. Ручьев решил отыскать что-нибудь поесть, прошел на кухню, но в это время зазвонил телефон. Звонок был мягкий, будто бы вязнувший в духоте квартиры, но все равно заставил вздрогнуть. Раньше такого никогда не бывало. «Устал, устал... Нервишки...»—подумал Ручьев и снял трубку.

— Иван Иванович, Глохлов докладывает: огонь вышел в двух километрах от Буньского.

— Откуда! Каким образом огонь? Где?

— Прямо против аэропорта, в двух километрах. Разом как-то загорел.

— Загорел, загорел... Просмотрели. Где Глыбин? Куда он глядел?

— Иван Иванович, Глыбин сутками в воздухе. Сами знаете...

— Ну, ладно, ладно! Буду сейчас в штабе.

На экстренном совещании комиссии по борьбе с пожаром (таковая была создана в области и уже несколько дней работала тут, в Буньском) было решено пустить встречный пал, проведя отжиг прямо с аэропорта. От аэродрома в одну и другую сторону надо было прорубить пять километров просеки, вспахать ее, расставить по всему фронту предполагаемого пала бочки с водой.

На западе просека должна упираться в озеро Подборное, которое по дуге вплоть до самого Авлакана запрет ход огня, на востоке—в Авлакан. Все эти работы надо закончить как можно быстрее, не оставляя работ и на других участках.

Трудились всю ночь. Где-то совсем рядом был уже слышен отдаленный шум пожара. К счастью, пожар не переходил в верховой, но под утро он мог подняться и лавой выплеснуться на поселок. В воздухе все время висело два вертолета, следя за поведением огня и сообщая на землю о нем через мощные мегафоны.

На самой кромке в удушающем дыму и жаре работали передовые отряды. Перед самым восходом солнца потянул пока еще слабый ветерок. Дул он вдоль фронта, но и этого было недостаточно, чтобы поднять шквал огня, образовать пожарную бурю.

Ручьев приказал отвести в тыл передовые бригады и всем собраться в аэропорту.

Люди выбегали из дыма, откашливались, тут, на посадочном поле, дышалось немного легче, и сами по себе строились в шеренги, лицом к пожару.

В бесплотном свете белой ночи лица людей были призрачно бледны. Эту бледность подчеркивали еще больше темные провалы глаз, очерченные полукружьями осевшей сажки. Детишки с резиновыми мешками бегали меж взрослых, предлагая каждому:

— Дяденька, попейте. Попейте, дяденька! Вода холодная.

— Тетя, вот возьмите кружку, попейте.

Взрослые жадно пили, гладили ребят по головам, благодарили.

Все эти люди, уставшие, грязные, в рваной и прожженной одежде, истомленные долгой борьбой со стихией, собравшись вместе, тесно встав плечом к плечу в шеренги, строгие и молчаливые, чего-то ждали сейчас, готовые пойти в огонь, в самое пекло, на смерть, но не отступить, не сдать. В молчаливом ожидании стояли люди, и Ручьев не понял—он просто почувствовал, чего ждут они. И он, выйдя вперед, встал перед ними, открытый всем глазам и взорам, невысокого роста, лысеющий седой человек, в засаленной, измазанной сажкой и кое-где прожженной брезентовой куртке, неуклюжий немного, не очень-то большой оратор, он поднял руку и сказал:

— Спасибо вам, товарищи,—и замолчал ненадолго, и каждый понял это «спасибо» как благодарность—за то, что долгими днями и короткими ночами защищал свой дом, свою крохотную родину, свою тайгу от великой напасти.—Спасибо вам, товарищи...

Ручьев продолжал:

— Люди, мы вот как сейчас сделаем. Это наш последний штурм. Если осилим огонь—слава вам! Матери, у которых малые детишки, не волнуйтесь. Они все собраны в яслях, и если что, будут вывезены. Теперь так: десятки расходятся по просеке, вдоль всего фронта. Бочки с водой готовы. На каждый участок бу-

дут и еще воду подвозить и лошадьми, и машинами, и вертолетами. Воду не жалеть! Каждая десятка берет с собой солярку. Бригадир на заправочной вертолетной, получите солярку. Сейчас пожар понизу идет, самое время пускать пал. Всем на дальние фланги. На правый фланг к машинам, справа от меня. На левый фланг—слева. Сигнал к отжигу—три красные ракеты и сирены. Пошли, товарищи!

— Ну, летнаб,—спустя полчаса сказал Ручьев Глыбину,—пора!

Три красные ракеты высоко взвились в небо, осветив все вокруг кровавым текучим светом, взвыли сирены.

Ручьев сел в вертолет на обычное свое место.

— Поехали...

Не везе сразу занялся встречный пал. В некоторых местах политая соляркой сухая трава, колодник и валежник никак не хотели загораться. Тоненькая ниточка огня, вытянувшаяся от берега Авлакана до озера Подборного, медленно ползла вперед. Чересчур медленно. А там, впереди, вместе с поднявшимся солнцем все вырастал, все наливался желтой мути и плевался жаркими плевками пока еще дремлющий вал огня. Но ниточка вдруг разом как-то превратилась в широкую ленту, ленту, извиваясь и переламываясь, выросла в громадную волну, и волна, разом взметнувшись к небу, покатила, набирая с каждой минутой скорость. Все дальше и дальше вперед, оставляя далеко за собой живую цепочку копошащихся на кромке поджога людей. Там, внизу, сейчас шла бешеная работа.

Весь день металось рядом с селом пламя, весь день гудели вертолеты, ухали взрывы, раздавались команды, грохотали водовозки. Были минуты, когда просочившийся огонь вышел к самым домам, но его вдавили в землю.

К вечеру огонь отбили от села, и он, ярясь и негодуя, как вырвавшийся на свободу степной конь, вдруг кинулся вдоль Авлакана, подмина под себя тайгу, разметав над ней свою рыжую гриву. Пожар пошел на Нювяк и Буньяк, уничтожая уголья и оставляя после себя чадающую пустыню.

Утром Ручьев получил известие: огонь, пройдя по берегу за Буньяк километром на двадцать, слизав заимки Анкулова и Митрофана Ивановича, завяз в сырых куговинах и сник. На всей территории района пожар был локализован.

ГЛАВА IX

«...В результате проведения по делу комплексной экспертизы по определению лесных массивов, пострадавших в результате действия лесного пожара, возникшего 6 июля 1971 года, производившейся с обследованием района действия лесного пожара с воздуха (л. д. 464—466), установлено, что площадь лесных массивов, уничтоженных и поврежденных пожаром, составляет 26 500 га...»

(Из обвинительного заключения по уголовному делу № 20313).

За день до суда Копырев получил письмо. В конверт была вложена фотография: сын Саня и дочка Таня в легких пальтишках стояли, обнявшись, где-то в поле. Санька недолго хмурился, а Танюшка смеялась. «Вот хотел ему на мопед заработать!—подумал Копырев, вглядываясь в лицо мальчишки.—Как он похож на меня, и Таня тоже. Только Валя—вылитая Фаина».

Копырев долго разглядывал фотографию, на обороте было написано: «На память нашему милому папочке. Тут я и Саня. Фотились на Кукуевской горе, после четвертой четверти. Помни нас, папа! Дети твои».

Письмо Копырев стал читать сразу.

«Здравствуй, папочка!

С горячим приветом к тебе мы—твои дети! Я буду писать только от себя, т. е. от Тани. Немного о себе. Живем мы хорошо, здоровье у всех отличное. Учебный год закончила ничего. Да, папа, почему ты нам не пишешь? Мы даже о тебе ничего не знаем, как и ты о нас. Сейчас мы уже живем в лагере. А недавно Саша ездил домой, а я нет. Мы часто вспоминаем о тебе, но написать не могли, потому что не знали твой адрес. А ты знал. Или ты нас совсем забыл? Как ты там живешь? Как твое здоровье? Да, не очень-то хорошо сидеть в тюрьме. Мы еще даже точно не знаем, за что ты попал и как в тюрьму. Почему же ты забыл про нас? Эх, папа, папа, значит, ты нас забыл. Ты даже в письмах, которые пишешь

маме, нам ничего не пишешь. Мы все ждем от тебя письма, надеемся. А ты? Что тебе писать, я не знаю. Пиши, что тебя интересует, я буду отвечать.

Жду скорого ответа. Твои дети».

Прочитав письмо, Копырев снова задумался. Он сидел на топчане, низко нагнувшись к решетчатому квадратику света, падающему из крохотного, под потолком, окошка. Мутный свет проникал сюда в камеру нехотя, словно бы его заталкивали сюда. Была ночь, но Копырев давно потерял ощущение времени и считал, что сейчас все еще утро. Его чуть вытянутая, наголо остриженная голова, попав в полосу света, почти не отбрасывала тени, и белый квадрат, лежащий на полу, хорошо очертил сосновые захоженные, тесанные топором доски.

Копырев встал и быстро мелким-мелким шагом — так он быстрее утомлялся — заходил по камере, желая сейчас только одного — умаявшись, заснуть. Сон оставил его, и он уже в который раз перечитывал забытую кем-то тут, истрепанную книжку «Роман-газеты». Он не знал, что читал, потому что у книжки не было ни обложки, ни первого и последнего листа.

Чтение успокаивало до тех пор, пока он вдруг не понял, что читает книгу на память. За все время ареста к нему дважды приходил Ефимов и один раз Аксентьев. Чироня, нарушая устав караульной службы, страшно ругаясь, все-таки разрешил свидания, в душе жалея арестованного. Ефимов был многословен, и Копырев сразу понял, что тот очень боится ареста. Копырев, до застенчивости почему-то стесняясь Ефимова, говорил через силу:

— Вы, Сергей Петрович, не бойтесь. Я зажег, я и отвечу. К чему мне других-то чернить?

— Конечно! Конечно! Зачем тебе это? Какая польза? Опять же и на экспедицию пятно. Я тебе наряды закрыл; все по шестому. Уже и отправили деньги домой-то. Ведь так? Правильно?

— Правильно.

— Пускай жена получит, а так ведь все по суду заберут. Ты вот что, парень, стой на своем, — дескать, хотел побыстрее шурф вырыть, вот, дескать, самовольно и сделал это. А так, скажи, коли бы Ефимов заметил, голову бы с меня снял.

— Сергей Петрович, у меня к вам вопрос один.

— Какой? — внимательно, сузив глаза, посмотрел на Копырева.

— Кого мы обманываем, Сергей Петрович?

— Это как же?

— А вот напраслину на людей плетем, дескать, что Копырев, а значит, и экспедиция запалила, это все погасили. А вот пожарные, дескать, сами и пустили пал. Сергей Петрович, а если нас бы с вами не было, так и пожарным делать нечего! Так ведь?

— Ага. Значит, вали все на нас. Так, Копырев? — Ефимов поднялся с топчана, на котором сидел рядом с Копыревым. — Так. Значит, вали все в кучу. Бей своих, чтобы чужие боялись. А я думал, что ты мужик, Копырев. Давай сажай меня, Копырев! — Ефимов, забывшись, говорил громко и даже уже и кулаки сжал от негодования, да схватился вовремя, до шепота снизил голос, зашипел в самое лицо: — А деньги ты чьи получаешь? Кто тебя кормит? Детей твоих кто на руки берет? А может, ты бессребреник, может, без копейки обойдешься? — И, совсем успокоившись, сказал, как отрезал: — Не надо тебе, Копырев, сомневаться.

Не оставим мы! Слышишь? Сейчас для остротки осудят, а там отпустят. Важное дело — лес сгорел. Да его каждое лето по всей тайге столько горит, что наш-то — слеза. Только одно помни, Копырев, наш за Чоккой потух. Этот вот, — он кивнул на дверь, — это не наш.

Ничего не мог ответить Копырев Ефимову, до обидного стесняясь его.

В этот же день следом пришел Аксентьев. Он был немногословен. Говорил с Копыревым строго, начальственно, так же строго велел подписаться в журнале, который принес с собой.

— Это чистая формальность. Ну, не успел я вам дать подписать, запаматовал. Вот ви-

дишь, вся бригада подписалась, и ты подпишись.

Копырев расписался в графе, что с правилами пожарной безопасности ознакомился.

Уходя, Аксентьев сказал:

— Суда не бойся. Не слушай ничего и к сердцу не принимай. Суд — проформа. Главное, сам на свою голову ничего не наболтай. Держись одного, чего держишься. Главное, чтобы осудили, а там вырчим. Сейчас мало выйдет.

— Сколько?

— Максимум пять лет, а то и три. А если пойдешь истину искать, — он так и сказал — «истину искать», — намотаешь на себя больше и других затянешь.

— Больше не получу.

— Получишь.

— Значит, стрелочником меня?

Аксентьев подошел вплотную, положил руку на плечо, сказал, вздохнув:

— Кому-то надо быть стрелочником, Иван Терентьевич. На меня выпало — я бы был. Так всегда. Не обижайся, брат. Будь здоров. — И ушел.

Потом заглянул Чироня, от добра, содеянного им, улыбочивый и домашний.

Копырев лежал на топчане лицом к стене и даже не обернулся на шаги.

— Ты чо, паря, едрена вошь, захворал, что ли? Ну и чудо, я тебе такие свиданки устроил, а ты мне хоть бы спасибо! — обиделся и загремел ключами.

Копырев, пересилив себя, поднялся, придержал уже закрываемую дверь и сказал:

— Спасибо тебе, брат. Только ты мне больше свиданий не делай. Не надо, слышишь. Себя погубишь и меня тоже...

Копырев снова перечитал письмо Тани, потом вдруг решительно встал и застучал в дверь.

Чироня пришел не скоро. Он был до глубины души обижен «выговором» Копырева и твердо решил поблажек против закона арестованному не делать.

— Ты чо, паря? — спросил еще издали, шлепая босыми ногами по полу.

— Слушай, дай мне ручку с бумагой.

— Не положено. — Чироня полез рукой под рубаху и, сладко зевая, поскреб по животу, по груди.

— Дай. Мне письмо детям надо писать...

— Паря, подследственным запрещено писать...

— Да брось ты! Слышишь, дай! Дай! Я еще Ручьеву заявление должен написать. Слышь, Чироня? Ну, будь человеком!..

Чироня, сопя, ничего не ответив, пошел по коридору. Гулко хлопнула входная дверь. Копырев понял — просить бесполезно.

Копырева судили в Авлаканском народном суде, крохотном бревенчатом домишке в две половины. В одной помещалась заседательская, она же кабинет судьи, и комната делопроизводства, вторая была залом. Тут стояло десяток лавок, тяжелых и неуклюжих, крашеных охрой. Одна из лавок была выдвинута к возвышению, на котором стоял стол, покрытый красной материей, за ним три стула и еще два в торец. Выдвинутая лавка и была скамьей подсудимых. В зале еще был старый двухтумбовый стол, покрытый зеленым сукном, стоял он торцом к возвышению, а значит, и к судейскому столу. За ним сидела защита.

По делу привлекался к суду Ефимов, за халатное отношение к своим обязанностям. Его защищал нанятый адвокат — полный седой мужчина. С виду он был флегматичен, но на самом деле вездлив и остер. Борис Борисович — так звали защитника — хорошо ознакомился с делом, несколько раз побывал на месте возникновения пожара, имел на руках откаликированную карту с крохотным синим участком на ней и громадным красным, журнал партии по технике безопасности, письменные показания свидетелей защиты, которые собирался вот сейчас предложить суду приобщить к делу.

Адвокат Копырева был назначен к делу. Только что прилетел в Буньское, не успев даже поговорить с подзащитным, перелистал дело и махнул рукой: «Все ясно!» Николай Николаевич — так звали этого адвоката — был худ лицом, высок и костист, он производил впечатление очень живого человека, однако по характеру был флегма и думал только об одном: о рыбной ловле, которую любил больше работы, больше жены, больше всего на свете. Он и сюда, в Буньское, поехал только потому, что был наслышан об удивительной рыбалке на Авлакан-реке. Рыболовные снасти составляли багаж Николая Николаевича.

Вся процедура суда сначала волновала Копырева. Он, переживая, отвечал на вопросы, и когда судья, с виду очень добрый человек, спросил, признает ли себя Копырев виновным, он ответил, что да, признает себя виновным, но только частично, поскольку пожар, который произошел по его вине, был потушен за рекой Чоккой, а тот, что пошел на Буньское, не его.

Судья улыбнулся как-то так непонятно, будто бы и сам был согласен с подсудимым, но в то же время сомневался.

Ефимов ответил, что он виноват, просмотрев факт возникновения пожара, что он отнесся халатно к своим обязанностям, просил принять во внимание, что сам факт пожара есть чрезвычайное происшествие, и тоже отметил — пожар за Чоккой был погашен.

Окончание следует.

Гилемдар РАМАЗАНОВ

ГОДЫ

ХОЗЯЙСТВЕННИК

Деревья простуженно-гулки, поземку буран поволок... Мужчина, сидящий у лунки, глядит на один поплавок.

Солидный, немало века — и бровь поседела и ус. Но с плеч у того человека как будто бы сбросили груз.

Забыл он и цифры и факты, снабженья фатальный вопрос, и то, что уже два инфаркта он в жизни своей перенес.

Лишь слушай! Восторженным оком блестя, он не сдержит речей о том, как лукавил с ним окунь, какая наживка ловчей.

Расскажет в приливе доверья, приладив таган на костре, как травы живут и деревья, как птицы поют на заре.

Раскрывши приметы, как ларчик, предскажет погоду в момент, забыв, что он завтра докладчик, что вновь дефицитен цемент.

И письма припомнит без марки и степь, где он строил цеха; поспорит с тобой о Ремарке и веяньях в сфере стиха...

И пеплом кострище затянет... А завтра под грузом забот с рассветом товарищ тот встанет, пойдет, торопясь, на завод.

Он даст инструмент бригадир, металл для конвейерных лент; он «вырвет» заводу квартиру и «выбьет» тот самый цемент.

Нам любы героев деянья, титаны приятны уму.

Гилемдар Рамазанов счастливо сочетает в себе и богатство знаний и яркое поэтическое дарование. Он активно участвует в общественной жизни родной Башкирии, является членом правления Союза писателей республики, народ избрал его депутатом Верховного Совета СССР. Любители поэзии больше знают этого скромного, доброго человека и верного товарища как самобытного башкирского поэта военного поколения.

Надев в 18 лет солдатскую шинель, с первой поэтической тетрадкой в вещмешке он ушел на фронт. В 20 лет в самые жаркие дни боев на Курской дуге он вступил в члены КПСС. Как все поэты, рожденные войной, Рамазанов чувствует особую ответственность за мир на нашей планете. Поэтому в его стихах звучит страстный протест против войны и необыкновенная сыновья нежность и любовь к Родине. А родной край поэта — седой Урал. Ему он посвятил свои лучшие стихи, в которых мелодия курая, журчание горных рек, шум дубрав, половодье Ак-Иделя, Ика, несметные бо-

гатства недр символизируют мужество и силу его многонациональной страны. Как бывший солдат, не раз смотревший смерти в глаза, Гилемдар Рамазанов без крикливости и шума воспекает вечное движение жизни. В своих лучших стихах поэт откровенен до пронзительности, и поэтому лирический герой его, наш современник — фигура яркая, сложная, высокоинтеллектуальная и необыкновенно энергичная.

Гилемдар Рамазанов создал и издал более 20 поэтических сборников на башкирском и русском языках, его стихи переведены на многие языки народов СССР. Сборники «Огни за Белою-рекою», «Разговор гор», «Конец лета» полюбили ценители поэзии своей свежестью, самобытностью письма, в них русский читатель познакомился с красивыми, щедрыми душой людьми Советской Башкирии.

Поэту исполнилось 50 лет. Возраст, о котором обычно говорят: пора зрелости, пора расцвета творческих сил. Пожалуй, это так. За последние годы стихи юбиляра стали совершенней, мудрее, философичнее.

Ямил МУСТАФИН

МОИ МОЛОДЫЕ

«Хозяйственник» — скромное звание,
но песня сегодня — ему.

СЫНУ

Значит, сын, в комсомол,
принимают?
Ты взволнован, в лице твоём
свет...

В добрый час! Хорошо
понимаю,
что такое четырнадцать лет.

Вот таким же, скажу уж
по правде,
я впервые обувку сменил.

А до этого знал я лишь лапти,
хоть уже и в селькорах ходил.

Был я тощий, голодный,
вихрастый,
шесть друзей — и семья мне.
и дом.

К нам, глазастым, с любовной
опаской
относились в колхозе родном.

Мы к жнецам на рассвете
спешили
прояснить мировые дела,
«боевыми листками» клеймили
мы проныр и лентяев села.

Дул февраль,
так что в рост не подняться —
в райкомол, где имелась

печатать,
мы протопали верст этак
с двадцать
комсомольский билет получать.

Шли назад, а в душе пели
трубы,
хоть поземка скулила нам
вслед.
Согревали тогда нас не шубы —
обогрел комсомольский билет.

Ждали нас впереди
гимнастерки
да фашистская пуля в стволе...

И сегодня из нашей шестерки
только двое живут на земле.

Было в пору далекую эту
лет нам столько, сколько тебе.
Принимай же от нас эстафету,
мой сынок,
мой соратник в борьбе!..

СЧАСТЬЕ

Порой, в сомненье нечастом
все прошлое растеребя:
— Счастливым я был?
Несчастливым?.. —
я спрашиваю себя.

Вот взял я букварь
с волненьем,
вступаю под школы сень.
На стенке — дедушка Ленин.
Настал мой счастливый день.

Лишь взгляд на газету кинув,
под черной вижу каймой:
«Врагами... товарищ Киров...»
Горюю со всей страной.

И лампа в окне не меркла,
пишу стихи у огня.
Пять строк взяла «Пионерка» —
и кто счастливей меня?

— Мал! — в вузе сказали
строго,

и я вдоль всех деревень
в слезах бреду по дороге...
Какой несчастливый день!

А вот и любовь впервые
цветет у Демы-реки...
Ах, годы мои молодые!
Счастливейшие деньки!

И вновь окрашена кровью
заря... И рычит свинец...
Встав грудью за Подмоскovie,
солдатом погиб отец.

Берлин...
Я в толпе столикой,
пилотку сбив набекрень,
ликую: Победы великой
я все же увидел день!

С посильным моим участием
мчит к звездам страна моя.
Я все одолел несчастья,
и этим-то счастлив я.

ПОСЛАНИЕ В АЛМА-АТУ

Сырбайу Мауленову.

...Алатау злато осени касалось,
помнишь, как меня улыбкой
встретил ты?
К трапу лайнера тогда сошлись,
казалось,
все цветы твоей родной
Алма-Аты.

Ветки в яблоках тогда меня
пленили,
горный воздух поднебесной
чистоты;
без заздравного застолья
опьянили
золотые вечера Алма-Аты...

Друг, спасибо,
что, ценя твою поруку,
принимал меня доверчиво
народ,
что отдал ты мне на память
из рук в руки
звездно-пламенный казахский
небосвод.

Что седые аксакалы
повсеместно,
будто ровне, отдавали нам
поклон...
С той поры-то в вашу землю,
в ваши песни
я, как юноша, без памяти
влюблен.

Это было словно чудо:
мрак прорезав,
звуки домры плыли, полные
огня,
и в сообществе акынов Ауэзов
удостоил своей мудрости меня.

Ах, Сырбай,
как в нашем возрасте целебны
те душевные порывы и мечты!

Напиши ты мне,
все так же ли волшебны
золотые вечера Алма-Аты?

И видны ль еще в преддверии
мороза
в Алатау на снегу следы
косуль?
И по-прежнему ль сердца
тревожит Роза?
И все так же ли чарует
Бибигуль?!

Пусть живут акыны, славы
достигая,
передай ты им сердечный мой
поклон.
В землю славную Абая
и Сырбая
я, как юноша, без памяти
влюблен!..

ЖЕЛЕЗНЫМ ПЛУГОМ...

Вот самолет, взревев, уходит
в дали.
Он вдохновенья птицу
пробудил.
В края тепла, где снега
не видали,
своих друзей я нынче
проводил.

Мы с ними лишь в последний
миг простились.
Дух странствий и меня повлек,
маня.
Да только ветры в полы мне
вцепились
и опустили на землю меня.

«Не улетай!» — сказали гор
отроги.
«Не улетай!» — шептал
цветочный шквал.
Остался я.
Но синие дороги,
друзья мои, я к вам
приревновал.

Уж так мы, видно, скроены
нелепо,
причудлив нрав, как трещина
в скале:
кто на земле стоит — стремится
в небо,
кто в небе мчит — тоскует
по земле.

Меня держала осень силой
спелой.
Зима держала — больно
холод лют.
Весна держала: очень уж
на Белой
весною сладко соловьи поют.

Не отпустили гроздь на
рябине,
на Деме — косы из в ее
волне...
Увидеть много можно на
чужбине,
но и не меньше в нашей
стороне.

В широтах этих я шагаю лугом
и в муках слова душу ворошу.
Как будто не пером —
железным плугом
я песни на груди полей пишу.

Хочу, чтоб песнь,
взойдя под ширью неба,
была не плод холодного ума,
а, словно зерна праведного
хлеба,
сердце переполняла закрома...

Авторизованный перевод
с башкирского
В. ВИНОГРАДОВА.

Роза Багланова и Бибигуль
Тулегенова — казахские певицы,
народные артистки СССР.

Экипаж машины трудовой.

Про нынешний год — третий в девятой пятилетке — можно сказать ГОД ПИК. Через неделю, 30 июня, минует первая половина пятилетки и начнется вторая. Страна, не снижая темпов, устремится дальше к заветной цели — к рубежам 1975 года. Чем больше путь, пройденный с момента старта, тем выше скорость движения — таков закон ускорения. С каждым днем возрастают темпы труда на заводах и стройках, в лабораториях и рудниках, на фермах и в поле. Объем национального продукта в СССР грандиозен и, пожалуй, ни с каким иным не сравним по масштабам. Достаточно сказать, что только промышленной продукции за первую половину девятой пятилетки наш славный рабочий класс выдал более чем на триллион рублей! Столь же эффективен и труд ученых и труд советских селян — колхозников и рабочих совхоза. Такова стратегия планового хозяйства. Но, кроме нее, существует еще и тактика — тактика лучших из лучших, мастеров своего дела, беззаветных энтузиастов труда. А таких сотни, многие тысячи в нашей стране — они работают с опережением четкого, выверенного графика пятилетки. Для передовика*обычный день календа-

ря может стать праздничным — и для него лично, и для семьи, и для всех товарищей: есть план! Ибо у передовиков, запевал Всесоюзного социалистического соревнования, вся необъятная во времени и пространстве пятилетка рассчитана по минутно! Именно соображения победителей, мастеров высокого класса, высокого профессионального достоинства побудили коллектив «Трехгорной мануфактуры» принять новые, более напряженные обязательства. Цель! Выпустить до конца года тканей и пряжи больше плана не на 700, а на 900 тысяч рублей, дать, в частности, миллион метров готовых тканей сверх плана. Есть и еще славные примеры труда самоотверженного и красивого. Бригада криворожского экскаваторщика Иосифа Афанасьевича Галенко уже выполнила свою пятилетку — за два года и два месяца! Поразительный успех! Экипаж И. Галенко приветствовал Л. И. Брежнев, отмечая выдающуюся производственную победу. Сегодня корреспондент «Огонька» ведет репортаж с передовой девятой пятилетки — из карьера, где работает Иосиф Галенко. Его экипаж трудится уже в счет будущей пятилетки.

— Секунды, о которых мы сейчас заговорили, конечно, важны, только не они успех определили. Есть и покрупней экономия. Нам вот, например, полагается делать капитальный ремонт экскаваторов через три года, а мы его делаем раз в десять лет. Ввели у себя метод агрегатно-узлового ремонта: в запасе всегда держим ходовую тележку, главную лебедку, агрегаты подготавливаем тоже впрок, в те дни, когда дождь льет и работа в карьере невозможна. Подсчитайте-на, во что обходится «капиталка», да приплюсуйте сюда двухмесячный простой экскаватора — сколько средств и кубов теряется? А наша бригада такой ремонт производит за десять дней. Теперь можете заняться вычитанием и получите то, что мы на этом выигрываем... Начальство наше даже ругают за невыполнение плана по сдаче металлолома, а откуда же им его взять, коли у нас старые экскаваторы да бульдозеры еще исправно служат! И считать мы научились по-инженерному, и чтобы подход был не кабинетный, а от практики.

Не сразу это пришло. В 1964 году, когда мы организовали комплексную хозрасчетную бригаду экскаваторщиков, многое еще для нас было неясно. В ту пору нам очень помог тогдашний главный инженер управления Алексей Петрович Дегтярев. Сейчас ему уже семьдесят с гаком, заслуженный строитель УССР, он и поныне в строю, в Крыму работает, отсыпает плотину...

У бригады свой план — расчет на месяц, квартал, год. В нем все учтено — возможности, резервы, экономия. Экономить можно на всем. Вот еще один простой пример. Трос экскаватора изнашивается неравномерно. Где-то перетерся — выбрасывай. А вот если его периодически менять концами, то он служит дольше...

— Я слышал, Иосиф Афанасьевич, что ваша бригада благодаря бережному отношению к запчастям, смазочным материалам и топливу сэкономила в этой пятилетке пятьдесят тысяч рублей. Могли бы вы как-то прокомментировать эту цифру!

— Комментарий тут простой: пятьдесят тысяч — это даже чуть больше, чем стоят три экскаватора Э-652. И в нашей бригаде три экскаватора, значит, на этой экономии можно тоже выполнить пятилетку за два с половиной года. — Галенко весело рассмеялся столь удачно найденному сравнению.

Галенко вынул за цепочку из-под спецовки карманные часы и, заметив мой удивленный взгляд, улыбнулся: — Думаете, мода! У нас все ребята с карманными ходят — ручные нам не годятся: на работе иногда и кувалдой пользоваться приходится... А без часов нельзя, мы по ним пятилетку рассчитываем — она ведь вся из минут состоит. Вот мы вроде бы уже эк-

скаваторы до тонкости освоили, каждое движение отточили, а глядишь, то тут, то там половчей обернешься — и выгадал секунды или минуты, а для нас они, в свою очередь, оборачиваются десятками кубов, которых за год набираются уже тысячи...

— Как же вам удалось на такой вот экономии времени за два года и два месяца свою пятилетку выполнить! — спрашиваю я.

Г. КОПОСОВ

Фото автора.

ПЯТИЛЕТКА ЗА ДВА ГОДА И ДВА МЕСЯЦА

— Вероятно, немалую роль в ваших успехах сыграло и социалистическое соревнование! С кем соревнуется ваша бригада?

— Ну, во-первых, мы соревнуемся между собой, а кроме того, с родственными коллективами Днепропетровска и Запорожья. Есть у нас соперники и рядом, в нашем же управлении,— бригады Василия Зайцева, Виктора Алексеенко, Василия Григорьева... В этом году должны закончить пятилетку еще четырнадцать бригад нашего треста. Так что приходится поворачиваться веселей, а то, глядишь, на пятки наступят. Главное в соревновании — учиться друг у друга всему передовому, новому, быстро брать на вооружение то, чего достигли лучшие мастера, и потом работать еще лучше, чем они. Обязательно нужно проводить конкурсные состязания и в нашей профессии, как это делают пахари, токари, каменщики. Иначе получается, что крупнейший отряд строителей — экскаваторщики и бульдозеристы — вроде бы остается в стороне. А ведь еще в тридцатые годы такие конкурсы были, я сам в них участвовал и даже дважды завоевывал звание лучшего экскаваторщика страны. Обязательно надо возродить этот вид соревнования, для нас он может стать отличной школой передового опыта.

— Раз уж мы, Иосиф Афанасьевич, начали нашу беседу с часов, то давайте ими и закончим. Как вы рассчитываете свое время на оставшиеся годы и месяцы пятилетки?

Галенко посмотрел на часы, словно прикидывая, сколько у него в запасе осталось времени, и вдруг заговорил короткими фразами:

— Строим мы сейчас Ингулецкий горно-обогатительный комбинат. Бригада постановила: за оставшееся время пятилетки выполнить второе задание. Объем — полтора миллиона кубов. В третьем, решающем мы свое слово сдержали. Но он не кончился. Дадим еще весомую прибавку. Рекордные показатели должны стать повседневностью. Думаю, и с этим справимся.

Галенко помолчал несколько секунд и вдруг добавил знаменитое словечко председателя Давыдова из «Поднятой целины»:

— Факт!

Вот такие часы у криворожских экскаваторщиков. Точные часы. Правильные.

Иосиф Афанасьевич с внучками Аленой и Наташей.

А-
сяца

К. С. ЕЛЬЦОВ,
Герой Социалистического Труда,
директор электрометаллургического завода
«Днепроспецсталь» имени А. Н. Кузьмина
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА».

то интервью началось несколько необычным образом: будучи человеком инициативным и энергичным, первый вопрос поставил сам директор завода: — На чем вы к нам в Запорожье прилетели? На «Иле-восемнадцать»? А знаете ли вы, что отдельные детали современных самолетов изготавливают из специальных высококачественных сталей? Эти стали нельзя получить обычным способом ни в мартеновских печах, ни в конверторах. Даже электропечи не способны удовлетворить тем высоким требованиям, которые предъявляются к таким сплавам. Поэтому необходимо дополнительное их улучшение.

— Вы имеете в виду новые процессы, применяемые в электрометаллургии?

— Отчасти. Я имею в виду рост и подъем качественной электрометаллургии вообще. Электропечи дают нам качественную, легированную сталь, которая затем улучшается путем электрошлакового и вакуумно-дугового переплава и другими методами. Особенно прогрессивны печи электрошлакового переплава — ЭШП. К ним сейчас приковано внимание металлургов всего мира. Вы видели их?

Да, я видела эти печи, удивительные печи, заставляющие забыть о том, что находишься на сталеплавильном производстве. Светлый и просторный цех, без какого-либо дыма, копоти, с чистым и теплым воздухом напоминает обширную лабораторию, где в широких масштабах ведутся какие-то таинственные эксперименты. Вдоль пролета к белым колоннам подвешены массивные, красного цвета емкости — кристаллизаторы, чем-то напоминающие кофеварки. В них и впрямь что-то варится. Сначала над кратером кристаллизатора вьется едва заметный парок, через некоторое время он начинает сиять, светиться нимбом, и когда этот нимб становится слепяще белым, процесс завершается. Срабатывают автоматы. Красный корпус кристаллизатора снимается и ползет параллельно колонне вверх, а внизу, на поддоне, будто кулич из детской песочной формочки, красуется оранжево-алый, пышущий жаром многотонный драгоценный слиток.

Все операции его рождения совершаются без вмешательства человека. Людей в цехе вообще не видно. Сталевар обслуживает несколько печей, весь процесс запрограммирован на пульте, что напротив, на втором этаже, за гофрированной серебристой стеной. Но, пожалуй, больше, чем эти необычные печи и высокая культура их обслуживания, меня поразили сам слиток. Он может быть длинным или коротким, весить несколько тонн или десятки тонн, он может быть разным по составу, но при этом неизменно сохраняется такое его редкостное свойство, как ровная, гладкая, будто отшлифованная поверхность. По ней приятно, как по хорошему столу, провести рукой — пальцы не ощутят шероховатости и заусениц. Такой слиток невозможно получить ни в каких других сталеплавильных печах и никакими способами. Обычно заскорузлая, шершавая поверхность заготовок и слабов из рядовой и всякой другой стали подвергается обдирке и зачистке. Какое же колоссальное количество металла при этом теряется! Потери на так называемую зачистку составляют по стране миллионы тонн стали — мощность большого металлургического завода.

Все это, не скрывая своего восторга перед печами ЭШП, я и высказала Константину Сергеевичу Ельцову.

— Вы обратили внимание только на одну особенность слитков, получаемых в электрошлаковых печах, она внешнего характера. Колоссальным же их достоинством является однородность структуры сплава по всему слитку. Проходя через слой шлака, как через тончайший фильтр, сплав очищается от неметаллических включений, приобретает высокую заданную чистоту химического состава, прочность и пластичность. По американским данным, ковка слитка в горячем состоянии возрастает от тридцати до ста процентов, что очень важно для машиностроения. Обычная электросталь и вакуумно-дуговая плохо подвергаются электро-

ческой обработке в горячем виде. Приведу такой пример. На ось железнодорожного вагона поставили два подшипника. Один из стали ЭШП, другой из электродуговой стали. Один подшипник пришлось менять четыре раза, а другому, электрошлаковому, все еще нет износа. Надежность его эксплуатации в десять раз выше. Прикиньте, насколько бы увеличилась долговечность машин, если бы особо ответственные узлы делались из высококачественной стали, подвергшейся электрошлаковому переплаву.

Ельцов достал из письменного стола журнал «Iron Age» за май прошлого года.

— Вот что пишут американцы: «Если наш опыт может служить критерием, то недалек тот день, когда все высококачественные стали и сплавы будут переплавляться электрошлаковым методом». Соединенные Штаты усиленно форсируют развитие печей ЭШП. Они уже получают большие плоские слитки для нержавеющей листа, полые слитки — заготовки для производства цельнотянутых труб и колец.

— Вы сослались на мнение американских специалистов. Но ведь печи ЭШП — отечественного происхождения, и внедрение их — плод творческого союза Института имени Е. О. Патона и вашего завода «Днепроспецсталь», впервые в мире построившего такие печи?

Директор не сразу ответил на мой вопрос. Он задумался, взял в руки подставку-сувенир с портретом молодого человека. Очень дорогого для него, Ельцова, человека. Учителя, наставника, друга. Таким был для директора его предшественник, лауреат Ленинской премии Александр Федорович Трегубенко, много сил отдавший развитию производства высококачественных сталей. Ленинская премия была присуждена ему в апреле 1963 года, и его имя стояло рядом с именами сотрудников Института имени Е. О. Патона и работников промышленности. Трегубенко успел на заводе только начать это большое дело — создание печей ЭШП. При нем построили опытную установку, на которой был получен слиток шарикоподшипниковой стали. Шарикоподшипниковая промышленность вскоре стала не только союзником запорожцев, но и главным потребителем. Тяжелая болезнь оборвала жизнь Трегубенко, но он успел передать свое дело в руки Ельцова, которого и рекомендовал на пост директора. В надежные руки! За плечами нового руководителя «Днепроспецстали» была не только производственная и комсомольская школа, пройденная в цехах Кузнецкого металлургического комбината. У него был опыт и партийного работника, умеющего и видеть и предвидеть, мыслить категориями государственного масштаба.

4 июня 1965 года была пущена первая печь в новом сталеплавильном цехе № 5. С тех пор повелось так: в ближайшее к этой дате воскресенье все, кто не стоит на вахте у печей, садятся на заводской катер и едут отдыхать на Хортицу. И директор вместе с ними. Все на заводе знают: этот день — праздник! Хотя до ликования вначале было еще очень далеко. Впрочем, Ельцов считает, что и сегодня еще преждевременно бить в литавры. Качественная металлургия не в достойном еще, по его мнению, почете. А тогда, в пору рождения нового цеха, было еще труднее.

Запорожье. Завод «Днепроспецсталь» имени А. Н. Кузьмина — одно из ведущих предприятий качественной металлургии.

По Днепру на заводских яхтах...

На развороте вкладки:
Вот они, печи электрошлакового переплава, которыми так гордится завод!

В. Каргиев (на переднем плане) — бригадир слесарей-гидравликов нового кузнечно-прессового цеха.

ПОПРАВКА К ПЕСНЕ

...Уж работали несколько печей ЭШП разной конструкции. Уже шли на прокатные станы квадратные, круглые, полые в сечении слитки, но научные сотрудники Института имени Е. О. Патона и молодые инженеры молодого цеха поставили перед собой, казалось, невыполнимую задачу — получить листовой слиток прямоугольного сечения, из которого можно было бы в дальнейшем прокатывать широкий лист. Мало кто верил тогда в успех.

— Противники листового переплава были даже у нас на заводе, — вспоминает Ельцов. — Многие считали, что ничего не получится. Меня в такой обстановке вдохновлял и поддерживал пример Трегубенко, его вера в наше дело. Теперь, когда листовой слиток взяли на вооружение передовые по развитию металлургии страны мира — США, ФРГ, Швеция и Япония, — кажется нелепостью, что в СССР в какой-то момент не нашлось завода, способного делать такие печи. Огромную помощь оказал нам областной комитет партии. Первый секретарь обкома Михаил Николаевич Всеволожский и секретарь обкома Павел Иванович Скляр лично занимались этим вопросом. За три месяца на двенадцати заводах области было изготовлено все оборудование, необходимое для печей. Первые плавки проходили не гладко. Однажды печь взорвалась, лопнула трубка водяного охлаждения кристаллизатора. Но мы не пали духом и все же добились успеха! Лист, прокатанный из наших слитков, по качеству не имел себе равных. И тут неожиданно возникла новая, казалось бы, абсурдная проблема: куда девать этот лист? Кое-кто острил: «Ельцов породил, пусть Ельцов сам и применит этот лист». Шел спор, что выгоднее: развивать и дальше сортовой прокат или переходить на листовой слиток ЭШП, технология которого еще не была как следует отработана? Пришлось связываться с министерствами и заводами, пришлось рассказывать и убеждать... Сегодня от заказчиков нет отбоя. Мы с трудом справляемся с напряженнейшим планом. Сегодня не только наш завод, но и многие другие в стране предприятия располагают печами электрошлакового переплава.

— Как этот процесс и советский опыт перекочевали в Швецию? К. С. Ельцов показывает письмо, адресованное ему президентом фирмы «SKF—Сталь» С. Густавссоном. В нем — результаты испытаний четырех образцов шведской стали после переплава в запорожских печах. Шведы сообщают: «...повышен выход годного металла, отсутствуют шлаковые макровключения, улучшилось качество горячей обработки. Поверхность значительно лучше по сравнению с обычными и вакуумными слитками...»

— С этого все и началось. Качество поверхности металла для фирмы «Авеста Енверк» — всемирно известного поставщика нержавеющей стали — имеет особое значение. Существует так называемый термин «полируемость»: малейшее, даже не видимое глазом неметаллическое включение оставляет на поверхности риск. ФРГ и Япония стали теснить Швецию на мировом рынке по этой самой «полируемости». Вот тогда-то фирма «Авеста Енверк» обратилась к нам за помощью. Нержавейка ведь ныне очень популярный материал, чего только из нее не делают. — от труб и емкостей до стиральных машин и столовых приборов! Новосибирский завод изготовил и поставил для шведской фирмы печь. Советские специалисты, в том числе заместитель начальника нашего цеха Казаков, ездили в город Авесту эту печь пускать. Огромный интерес проявили к таким печам японские специалисты... Они уже три раза приезжали к нам на завод. Весьма успешно ведутся переговоры о продаже лицензии и чертежей на сорокатонную листовую печь. Конечно, нам выгоднее было бы продавать не лицензию, а оборудование.

— Что же, теперь все вопросы наконец сняты?

— Как сняты? — рассердился Ельцов. — Новосибирский завод

электротермического оборудования должен был еще в этом году поставить нам третью печь ЭШП для листа. Но уже сейчас ясно, что реально мы ее получим только через год. На целый год откладывается ввод новой мощности! А почему? Новосибирцы, монополисты по таким печам, завалены заказами, в три раза превышающими их возможности. Нужен второй такой завод. Сегодня, сейчас! Этого требует растущее производство высококачественной стали.

— Как же вы справляетесь с заданием без третьей печи?

— Заводские специалисты нашли выход из положения. Предложили усовершенствование, которое позволит даже на двух печах выполнить план, предусматривающий работу трех агрегатов. Но ЭШП — это лишь один из наших больных вопросов.

— Что же главное?

Директор встал, прошелся по кабинету — кражистый, крепкий. Прищурился, улыбнулся:

— Помните, много лет назад была популярной песня Александра Жарова о металле. В ней есть такая строка: «Стали. Побольше бы стали!» Тогда стране нужна была любая, всякая сталь. Даже простой железный гвоздь являлся ценностью. Очень мало было стали в стране. Даже перед войной Советский Союз занимал третье место в мире по производству стали. Тридцать пять лет назад, когда «Днепропеталь», отпочковавшись от «Запорожстали», совершала свои первые шаги, еще ничего не было известно об атомной энергетике и синхротронах, не было реактивной авиации и кибернетики, лазеров и прецизионных станков. Несбыточной мечтой представлялся человеку космос. Сегодня наша страна вышла в правофланговые: она выплавляет стали больше, чем Соединенные Штаты. Сто двадцать шесть миллионов тонн в год. А каков удельный вес высококачественной стали? Темпы роста производства ее отстают от потребностей, выдвигаемых научно-техническим прогрессом. Сегодня нужна не просто сталь, а сплавы и металлы особой чистоты, способные работать при очень высоких или очень низких температурах и давлениях, в агрессивных, жидких и газовых средах, стойкие к нейтронному облучению. Кстати, легированная и качественная сталь должна все шире применяться и в общем машиностроении. Я уже говорил о подшипниках. Приведу другие факты. В нашей стране геологи бурят ежегодно огромное количество скважин. Только на Украине за прошлую пятилетку было пробурено около девяти миллионов метров скважин. Подсчитано, что если делать буровые долота из стали электрошлакового переплава, то на каждом долоте будет экономиться до девяноста рублей при проходке скважин на глубину до трех тысяч метров. Институтами подсчитаны данные об экономии средств при изготовлении валков для станов холодной прокатки, котлов и других сложных конструкций. И так, время внесло существенную поправку в любимую песню нашей юности: нам нужно побольше не просто стали, а высококачественной! Спрос на нее будет расти из года в год. Надо ускоренно наращивать мощности для ее производства. А развиваются они не так, как хотелось бы. В третьем году пятилетки на «Днепропетсталь» вводится лишь одна электропечь. Не слишком ли мало? Вот что меня тревожит.

Закончилось интервью столь же неожиданно, как и началось: директор достал из шкафа коробку и разложил на столе сверкающие вилки, ложки, ножи.

— Наш ширпотреб. Из нержавейки. Шесть миллионов штук в год. А эти, с голубой эмалью и тиснением, стараемся делать под старинное серебро. Нравится? Вот видите — не только авиация и реакторы...

Записала беседу Г. КУЛИКОВСКАЯ.

СЧАСТЛИВОЕ ПОСТОЯНСТВО

Зачастую весьма сложно проследить писательское самоопределение. Однако иной раз какая-то одна веха на пути будущего литератора становится самой значимой, одна взятая им в жизни высота — господствующей. Ею во многом и определяется его кругозор, главенствующая тема его произведений.

За свои шестьдесят лет известный советский прозаик Алексей Пантиелев извещал многое: был чертежником на знаменитом московском ЦАГИ, но без успеха пробовал стать киносценаристом, пять лет учился в Литературном институте, около десяти лет отдал службе в Советской Армии — прошел воинский путь от рядового до капитана, участвовал в боях Великой Отечественной войны. Однако, пожалуй, именно первые трудовые годы, когда Алексей Пантиелев шел в общем рабочем потоке к заводской проходной, во многом и определили его писательский

путь, тематику его произведений. Свою роль сыграла тут и «наследственность» — отец А. Н. Пантиелева тоже был знатным рабочим ЦАГИ, делегатом Первого всесоюзного слета стахановцев. Словом, выйдя из рабочей среды, писатель А. Пантиелев отвел теме труда ведущее место в своем творчестве.

Уже ранняя его повесть «Первая неделя», напечатанная в 1949 году, красноречиво свидетельствовала об этой тематической привязанности. Она была посвящена жизни советского рабочего после войны и стала одним из наиболее заметных послевоенных произведений на эту тему. Ее перевели во многих странах социалистического содружества, она была инсценирована для театра.

Спустя несколько лет выходит из печати роман Алексея Пантиелева «Поток», в котором автор подтвердил свою приверженность к решающей в его творчестве теме. Это произве-

дение вызвало широкую дискуссию в прессе и признано одной из самых значительных книг о рабочем классе послевоенного периода.

Но этим не ограничивается литературная деятельность Алексея Пантиелева. Он плодотворно занимается и драматургией. Много творческих сил и времени отдает он переводам на русский язык лучших прозаических произведений известного узбекского писателя Аскада Мухтара и выдающегося казахского писателя Мухтара Ауэзова. За эту работу А. Н. Пантиелев награжден грамотами Верховных Советов Казахстана и Узбекистана.

Но вот в 1968 году выходит в свет новый его роман «Белая птица», в котором отобразен период от года великого перелома до битвы за Москву в сорочном первом. И опять-таки ведущими героями этой эпопеи стали рабочие люди. И снова сналась корневая привязанность

писателя и излюбленной теме. Хочется надеяться, что эта тема и останется определяющей в творчестве Алексея Пантиелева, ибо с надежных высот человеческого труда писателю, за плечами которого ныне шестьдесят прожитых лет, рельефней и перспективней видится окружающий мир.

О. ЗВЕРЕВ

Фрагмент памятника комсомольцам — героям гражданской войны.

Может, они тоже станут металлургами!

МИРНЫЙ ПОЛДЕНЬ РОДИНЫ

Юрий НОВИКОВ

Время и то, что мы называем обычно судьбой, распорядились так, что Вадим Кожевников, прошедший однажды прекрасный путь фронтового корреспондента и военного писателя, в своих произведениях последовательно обращается к теме «рабочий класс и война». Это не значит, что в его книгах, его творческом зрении нет иных тем, но именно данная тема с ее аспектами «рабочий на войне — вчерашний воин в рабочей среде» счастливо открылась этому талантливому прозаику, она послушно уступает новые свои тайны-границы пылливому взору исследователя.

Война была тяжким испытанием, но для многих именно она стала первой школой жизни. «В человека, — говорит экскаваторщик Буков из повести В. Кожевникова «Особое подразделение», — я по-настоящему только на фронте выпулился». Эти слова мог бы сказать и Григорий Петухов, герой новой книги писателя¹. Война учила мужеству и военному мастерству вчерашних школьников, агрономов и пахарей, учила и кадровых — переучивала на ходу, в боях, безжалостно наказывая за ошибки, как об этом выразительно повествует В. Кожевников в новом романе.

Смелость, раскованность, сопряженные с новизной, в художественном отображении минувшей войны приходят с годами лишь к большому мастеру. Привнесение сегодняшнего опыта в описание фронтовых действий, само по себе плодотворное, неизбежно, и все же не от этого только и не от потребности отказаться от привычных шаблонов проистекает новизна и вместе с ней повышенная эстетическая ценность произведений, а от возросшего мастерства авторов, которые поражают открытиями в популярной и достаточно разработанной, казалось бы, теме.

Вадим Кожевников славен умением показать войну крупным планом, и новое его произведение подтверждает это. Однако горько ошибется тот, кто будет искать в нем так называемую «окопную правду», к которой апеллировали любители споров о «двух правдах» в изображении войны. В романе «В полдень на солнечной стороне» правда одна: это общая цель изгнания врага, освобождения народов от фашизма, и этому подчинены действия всех — от генерала до рядового связиста. Общность цели рождает полное взаимопонимание и взаимодейст-

вие. Но главный герой романа лейтенант Петухов — командир роты, и изображение боев в масштабе роты, взвода, отделения естественно входит в авторскую задачу. Не ограничиваясь этим, писатель создает широкие картины быта советских солдат в часы затишья, проникновенно описывает дух защитников Родины, готовых прийти на помощь друг другу, не расстающихся с юмором, с шуткой даже в короткие передышки между ожесточенными сражениями.

«... Ты, Филиппов, откуда взялся? Думали, помер.

— А я не помер, а только обмер временно.

— Значит, не усол!

— С вами усолнешь! Усилился гранатами и уполз к их станковому — закидал!

— Мы думаем, кто это там планету портит, словно бомбой ее ахнул!

— Противотанковую нинул, она — сила.

— Значит, не трусил!

— А зачем мне трусость проявлять? Она при мне, а я против нее сам по себе.

— Точно!

— Будь моя воля, — сказал маленький, тощий боец, — дал бы каждому сдельную норму, навалил — давай на отдых.

— Вот какая у тебя индивидуальная психология — от себя повоевать, а ежели ты не пехота, а вот, допустим, боепитание, вот ты и присох. Кислая твоя мечта!..»

Но эти же солдаты и плачут, глядя на товарища, навечно ослепленного ударной волной, и, пользуясь тем, что он не видит их слез, они же «выправляют» слабых, неопытных пополнителей своим примером мужества и отваги; они же выносят неизмеримые тяготы войны, ежечасно рискуя жизнью и расставаясь с ней, если придется...

Тема ответственности за судьбы товарищей и за судьбу родной земли раскрывается в романе удивительно широко, подчиняя себе даже образы второстепенных персонажей. Уверенность в победе сочеталась в людях с естественными мыслями о продолжении их мирного труда, прерванного войной. Пулеметчик Егоров, по профессии агроном, сражается бесстрашно, но в то же время по-особому деловито. Петухов говорит о нем: «На огневой хладнокровней его нет. Подползу, спрошу, как с огнеприпасом. Всегда точную цифру назовет, сколько патронов израсходовал. И всегда у него на учете скорость ветра, влажность, видимость. С умом воюет. И мне велит после войны обязательно учиться! На свою специальность зовет, в агрономы. Окопы копаем, он тоже, как все, копает, но причитает: «Плодородный слой портим», — даже просил этот плодородный слой отдельно отгрести, а тот, который из глины, тот на брустверы. Вот как

к победе человек готовится. Похозяйственному твердо».

Ну, а сам Григорий Петухов? Он тоже берет сполна от школы, именуемой войной, проходит горнила жестких испытаний. Много умея и обладая храбростью закаленного фронтовика, немалое он еще только осваивает, немалому учится у комбата Пугачева — человека, противоположного ему по характеру, типу темперамента. На фронте Григорий познает и еще одну важную сторону жизни — самое сильное чувство, и отныне они пойдут рядом — война и любовь — определять судьбу этого человека и в дни боев и в мирные времена. В любви Петухов учится нежности, взаимоуважению, учится красоте отношений, и много в нем еще сырого, не обкатанного жизнью, средой — ведь он ушел на передовую прямо со школьной скамьи. Но главные трудности еще ждут его. Если на фронте он воюет старательно и ему многое удается, то с момента демобилизации начинаются для него новые испытания.

С нулевой черты начинает свою мирную жизнь, поиски себя в новой обстановке Григорий Петухов, который впоследствии становится директором мебельной фабрики.

Верный своему творческому кредо, писатель не идеализирует героя, он далек от мысли автоматически переносить подвиги Петухова в мирные условия. Умение показать трудность вхождения, подчеркнуть разрыв между боевым опытом и сложностью управления (пусть в небольшом масштабе!) мирным производством, всегда отличавшее почерк автора, в романе «В полдень на солнечной стороне» обретает новое художественное воплощение, вскрывая типичное в таком характерном для первых послевоенных лет явлении, каким было трудоустройство демобилизованных фронтовиков.

Нелегко даются Петухову победы в мирном труде, каждый новый день, прожитый им в мире, — это новые сражения за изобилие, за народное счастье, а иногда с самим собой, за познание, за мучительную переоценку того, что казалось правильным на все времена, порой просто с собственными сомнениями.

Где-то к концу книги, подытоживая первые свои успехи, познав секреты изготовления массы нужных человеку вещей — от «раскладушек» до спальных и столовых гарнитуров, Петухов приходит к выводу, что процесс одоления искусства руководителя бесконечен и непрерывен.

Помимо военного опыта, фронтовой закалки, на личность и судьбу Петухова влияла его любовь

к фронтовичке, связистке Соне Красовской, ставшей его женой.

Образ Сони Красовской — один из самых интересных и оригинальных в романе. Момент знакомства Сони и Петухова — в неудавшейся разведке, когда Григорий, рискуя жизнью, спасает Соню, и все последующие отношения этих гордых и чистых людей, проникшихся чувством взаимной нужности и невозможности раздельного существования, обнажают перед нами историю светлой и красивой любви.

Уже первый лирический диалог Сони и Петухова (I часть, гл. 17), этот дуэт двух сердец, свидетельствует об удаче, сопутствующей писателю в изображении сокровенных переживаний человека; немало интересных диалогов и в третьей, «мирной», части романа, в которых видно желание Петухова учиться у Сони умелому подходу к людям, распознаванию характеров, учиться всему, что создает авторитет в глазах людей. Петухов не боится «занять» ума у Сони, и в этом его сила, а не слабость. Жена как друг и помощник в делах — этот тезис у Вадима Кожевникова звучит мощно и неодолимо.

Роман полнится яркими, неповторимыми характерами. Особенно удался автору, вплоть до мелких деталей, портрет токаря Золотухина, этого выразителя рабочей совести; колоритны и другие кадровые рабочие, окружавшие Петухова в начале его мирной деятельности. Каждый руководитель и рядовой труженик показан автором в деле; все второстепенные персонажи участвуют в создании нужной атмосферы, среды обитания героя: это люди, с которыми спорит Петухов в поисках истины, у кого он учится сначала воевать, потом хозяйствовать (майор Пугачев, политработник Конюхов, директор завода Глухов, председатель райисполкома Вычугов и др.).

В книге много размышлений, споров на различные темы, имеющие отношение к нашей современности, немало раздумий о прошлом и будущем нашей Родины, ее экономики и культуры. И в этом смысле можно говорить о пропагандистском значении романа: произведение это воспитывает в памяти течение послевоенной жизни народа, его подвиг возрождения, оно не дает забыть, ценой каких усилий добыто наше настоящее. Публицистическая заостренность и некоторая прямолинейность авторских отступлений, диалогов действующих лиц, в которых берутся под наблюдение насущные проблемы нашей действительности, превращают роман в серьезный документ эпохи, к которому не раз будут обращаться не только литературоведы, но и историки, пропагандисты, практики различных специальностей.

Но мы признательны Вадиму Кожевникову прежде всего, конечно, за эстетическое наслаждение, за высокую правду жизни в его новом романе о военных и первых послевоенных годах. Пристально наблюдая за развитием литературы об этом периоде, можно заметить, как усиливается процесс скрупулезного поиска деталей — не ради них самих, а ради объемности общей картины. С появлением романа В. Кожевникова, внесшего новый вклад в эту совместную копилку литературы, картина стала еще более полной и точной.

¹ Вадим Кожевников. В полдень на солнечной стороне. Роман. Журнал «Молодая гвардия», 1973, №№ 1—4.

Вроцлав сегодня.

Виктор ВОРОНИН

Есть люди, влюбленные в свой город. В одном из таких я побывал недавно. Все в нем было удивительно нарядно, как-то по-особому мило, и людей, которые живут там, волнует проблема — что бы такое сделать для любимого города, чтобы он стал еще лучше — и по архитектурному стилю и по бытовым удобствам. Их волнует, каким город будет через 100—200 лет и какие заветы должны горожане передать потомкам...

Этот город — Вроцлав. Именно здесь действует «Общество любителей Вроцлава».

«Вам, участнику битвы за Вроцлав, интересно будет увидеть, каким он стал теперь. Приезжайте к нам» — было написано в приглашении, которое я получил от «Общества любителей Вроцлава» и редакции «Ведомостей». И я приехал. Прошло 28 лет с той поры, как я видел город, лежащий в развалинах... Как же Вроцлав преобразился! Его новые кварталы и дома до удивления красивы и разнообразны, его улицы хранят следы любовной и постоянной заботы.

...Вместе с Витольдом Станкевичем, заместителем редактора еженедельника «Ведомости», мы ездили и исходили Вроцлав вдоль и поперек. У реставрированной ратуши мой спутник остановился.

— Посмотри-ка на этот дом! Что же, дом забавный: узень-

кий, островерхий, в три этажа, будто из старой сказки.

— Тут находится «Общество любителей Вроцлава», — сказал Витольд, и мы шагнули внутрь.

Нас встретил первый заместитель президента Общества Бронислав Купчиньский. Скромный, немногословный человек лет шестидесяти застенчиво улыбается и знакомит со своими «штатными единицами». Их всего три, да еще по полставки на бухгалтера и кассира. В Обществе объединены 70 тысяч граждан, влюбленных во Вроцлав. Их возглавляет профессор Зенон Ольшевский, директор фармацевтического института. Сам Бронислав Купчиньский — инженер, а среди активистов Общества — плановики, архитекторы, историки, журналисты...

В Обществе действует пять тысяч горожан, некоторые из них входят в состав пленума и в президиум Общества, возглавляют комиссии и секции.

— А как решаются финансовые проблемы?

— Членские взносы плюс хозяйственная деятельность — вот и все наши финансы, — объяснил Купчиньский. А чтобы я смог лучше себе представить деятельность активистов, он познакомил меня с издательской комиссией. Возглавляет ее доктор наук Бернард Янушевский.

Я держу в руках «Вроцлавский календарь» в 580 страниц. Тут вся жизнь города: рассказы почетных граждан о событиях давно минувших дней, справочник, сообщения

о передовиках производства и советы хозяйкам, что где купить. Есть страницы сатиры и юмора, а также реклама продукции, которую выпускает город и воеводство. Словом, все о городе и для горожан.

«Вроцлавский ежегодник» вдвое тоньше — и издается он тиражом в одну тысячу. Он рассказывает о культурной жизни города за год, тут же печатаются статьи на экономические и идеологические темы.

Мало того, комиссия Общества издает «библиотеку»: разные справочники, сборники легенд о городе, научные обозрения, всего до 30 изданий в год! По инициативе этой комиссии на экраны вышли четыре фильма о Вроцлаве. Выпускаются почетные медали (одна из них в связи с юбилеем Коперника).

На какие же средства все это делается? Ведь и бумага стоит денег, да и типографиям надо платить. Оказывается, большой вклад вносят учреждения и предприятия, заинтересованные в том, чтобы поместить в «Календаре» свою рекламу, а горожане охотно раскупают такие полезные книги и брошюры.

Многие предложения комиссия передает в народный совет и в городской комитет партии.

А вот как работает комиссия сотрудничества с деятелями науки и культуры, которую возглавляют одиннадцать ученых. Раз в месяц созываются сессии. Их темы самые разные — «Ленин и молодежь», «50-летие восстания в Силезии», «Освобождение Вроцлава». В сессии участвуют многие жители города, которые с таким же интересом собираются на дискуссии о творчестве местных деятелей культуры, науки и искусства. Обычно в итоге лучших мастеров награждают медалями Общества и денежными премиями, и об этом рассказывают местные газеты, радио, телевидение.

Однако дело не ограничивается заботой лишь о «пище духовной». Руководители комиссии, узнав о том, что местный театр испытывает затруднение с помещением или реквизитом, идут в соответствующую организацию и ставят свой вопрос столько раз, сколько надо для его неопременного разрешения. Регулярно Общество отчитывается о своей деятельности в газетах, по радио и телевидению.

В общем, как я понял, делается все это с дальним прицелом, и в первую очередь как пример для молодежи. Кстати, существует специальная молодежная комиссия. Она организует встречи с юношами и девушками на предприятиях, в школах, университете, экскурсиях школьников.

Интересно работает комиссия по эстетике. Она организует не только дискуссии о застройке города, но и проводит конкурсы на лучший «дом года».

А кто заботится о «древностях»

в городе? Оказывается, есть в Обществе люди, которые занимаются охраной и реставрацией старинных домов и памятников.

Есть и такая комиссия — «учредители названий». Она окрестила уже более трех тысяч улиц и площадей.

Вроцлав — очень зеленый город. Парки, шеренги деревьев, безбрежное море цветов. Об этом хлопочет комиссия по озеленению. Она разрабатывает планы, привлекает лучших художников, дендрологов, ботаников и архитекторов. Устраиваются даже специальные конкурсы, например, на лучший озелененный участок при доме (до нескольких тысяч участников). А к 22 июля, Дню возрождения Польши, готовится весь город. В этот день устраивается «Праздник цветов».

Еще есть комиссия, которая занимается сотрудничеством ученых с заводами и фабриками. Она помогает ученым получить заказ на разработку актуальных проблем, а предприятиям — научные рекомендации, как и что сделать для совершенствования производства.

Кстати, о предприятиях в Обществе. Уже на 67 заводах и фабриках функционируют его первичные ячейки. Они-то и являются поставщиками новых предложений и начинаний.

Особое место в Обществе занимают секции старожилов города и новоселов, поселившихся здесь после освобождения.

Не считаясь с возрастом, они читают лекции на шахтах, заводах, в университете, в летних молодежных лагерях.

Настал момент, когда читатель вправе спросить: позвольте, но ведь в городе есть городской комитет партии и народный совет. Есть городской архитектор и различные организации, вот они и должны заниматься всем тем, чем ведают энтузиасты — любители Вроцлава!

В том-то и дело, что хотя городских организаций достаточно и они хорошо работают, им не под силу каждую улицу, каждый дом окружить заботой и вниманием. Тут и пришли на помощь влюбленные в город.

Общество возникло вскоре после войны. Сначала вокруг него собралось около 300 энтузиастов. Их главная задача была — помочь в восстановлении города. Потом решили взять на себя часть забот о городе. Руководители народного совета и горкома партии внимательно присмотрелись к работе Общества и высоко ее оценили.

...Уезжая из Вроцлава, я думал о том, а почему бы такое полезное начинание не распространить в наших городах, особенно в молодых, которые только строятся. Я уверен, среди тех, кто прочитает эти строки, есть влюбленные, верные своей первой любви — городу, где они родились и живут.

Вроцлав — Москва.

ВЛЮБЛЕННЫЕ В ГОРОД

Государственные инспектора по качеству швейных товаров Юрий Федорович Монахов и Зинаида Александровна Захарова, не выбирая, наугад взяли 50 костюмов.

— Дайте, пожалуйста, манекены, сантиметры...
Работники швейного объединения «Большевичка»

К. БАРЫКИН

...Когда речь заходит об элегантности, все словари и справочники приводят в пример одежду. Само понятие «элегантность» профессор Д. Н. Ушаков сопровождает единственной иллюстрацией: «элегантный костюм». Сегодняшние словари и энциклопедии тоже не ищут иного выражения.

Не могло же это устоявшееся сочетание, приятное само собой? Откуда оно взялось? Скорее всего — от портного-искусника. Но из этого вовсе не следует, что сейчас, в пору индустриального швейного производства, надо отказаться от того, что подразумеваем под этим стереотипным выражением.

Разговор об элегантности массового костюма начался в Министерстве торговли РСФСР. Беседую с заместителем министра Константином Васильевичем Большаковым.

— В нынешнем году торговля получит достаточное количество мужских костюмов. И все же не надо быть пророком, чтобы предсказать знакомую ситуацию: выбор-то большой, а покупатель далеко не всегда сможет приобрести именно то, что ему нужно...

Из разговора с заместителем министра узнаю: на оптовой ярмарке торговля отказалась взять у промышленности мужские костюмы на сумму в 37 миллионов рублей. Отказалась, хотя областные и республиканские базы в заявках просят: дайте костюмы. Но подчеркивают при этом: современные, элегантные, из добротной ткани... Когда же знакомись с продукцией, перед которой торговля поставила заградительный барьер,

все своим видом показывают, что совершенно спокойны и уверены в добром качестве изделий, что даже таким специалистам, как Захарова и Монахов, не найти в готовой продукции ни сучка ни задоринки. Но и за внешним спокойствием — волнение: что скажут представители торговой инспекции!

или автомобилистов лучшего не придумать. Есть двубортный пиджак глубокого синего цвета, с металлическими пуговицами, с изящной посадкой рукава, с разлетом — под широкий галстук — отворотов; такой пиджак с серыми брюками, если они так же хорошо сшиты, — вот вам и элегантности!

— Хорош пиджак! — говорю главному инженеру объединения Борису Петровичу Веселову. Он не возражает, но как бы невзначай переводит разговор на другую модель, попроще. Но я вновь возвращаюсь к темно-синему. «Хороший, дескать, пиджак!»

И смотрю на Веселова.

А он мне:

— Обратите внимание на фиолетовый. Модный сейчас цвет. И модель новая.

И снова показывает на другую пару, неплохую, но тоже попроще.

Потом, в цехе, я понял, почему Б. Веселов так деликатно отвлекал мое внимание: он, видимо, уже привык к тому, что модели сложные на конвейере нередко теряют то самое «чуть-чуть», что делает рядовые изделия словно

где шьют крохотные, неощутимые для рынка партии, где каждый костюм можно доводить вручную. Манекенщик-то ведь показывал именно такие изделия, одно за другим. Инспектора были само внимание, но не нашли они в костюмах брака. Кстати, там же нам продемонстрировали несколько импортных моделей.

— Стоп, — сказал инспектор, — спинка пиджака плохо сшита...

Действительно, немного морщит. Но, странное дело, это не портит общего хорошего впечатления от костюма. К слову, об иностранных моделях вообще. Наша швейная промышленность не может, не должна игнорировать тот ставший обычным факт, что в магазинах с каждым годом появляется все больше изделий, покупаемых за рубежом. И нельзя не учитывать, что покупатель — судья строгий и заинтересованный — в соперничестве костюмов разных марок выберет лучший.

Об этом и думалось, пока мы шли на массовый конвейер, который в конечном счете и определяет экономическую политику предприятия. И в то же время, увы, вносит досадный оттенок в

этих подсчетов. Но нельзя шить на потоке, не взяв за основу данные служб стандартизации. Ныне платье, как и автомобиль, собирается на конвейере. И только располагая тщательно разработанными лекалами, математическими формулами, можно делать хорошие, безукоризненно сидящие костюмы.

...Это ведь только по названию швейная промышленность легкая. На самом деле она трудоемкая, непростая промышленность. Если бы все было легко и просто, дело давно уже пошло бы отлично. Мне рассказали, что швейные главки Министерства легкой промышленности Российской Федерации за прошлый год издали около десяти приказов о качестве. Но то ли приказы были не те, то ли выполняют их не так, — северный костюм все же прорывается на прилавок, добирается до покупателя. Как это происходит? По-разному...

Конвейер, конвейер. Неужели это он во всем виноват? Вижу, как красиво, споро идет работа. 33 секунды — и готов костюм. По нормам полагается около сорока, но работники фабрики подсчитали свои возможности, пересмотрели нормы, и вот, пожалуйста...

— Может, за счет качества такие скорости?

— Сейчас мы это проверим. Юрий Федорович направляется в конец конвейера, туда, где уже пришивают пуговицы. Здесь тоже несколько манекенов, на них сшитое изделие проходит одну из первых проверок. Рукав шит — заглядывание. Спинка — ровности идеальной. Борта костюма тоже хороши. Самый придирчивый контролер не сможет найти огреха. Не нашли их и Захарова с Монаховыми.

И все же костюмы эти не кажутся мне эталоном элегантности...

Идем к швее Нине Михайловне Пичугиной. Тринадцать лет она на предприятии. Две нормы стали для нее обычным делом. И не потому, что нормы низкие: Пичугина — отличный мастер. Костюмные детали в ее руках мелькают, едва успеваешь проследить.

— Вчера после работы я поеха-

О КОСТОЮ СПРИСТРАСТ

понимаешь, почему это сделано: костюмы не выдерживают сравнения с подлинно элегантными моделями.

Из министерства я отправился на одно из лучших в стране предприятий — головную фабрику производственного объединения «Большевичка». Тут шьют не только много, но и в общем-то неплохо. Это подчеркивают и мои спутники — старший инженер Госторгинспекции Министерства торговли РСФСР Ю. Ф. Монахов и старший инспектор Московской областной инспекции З. А. Захарова.

В экспериментальном цехе нам показали с десятков моделей, запускаемых в производство, и я подумал: уж тут-то инспекторам приврататься трудно. Современные, привлекательные эти костюмы. Я, например, охотно купил бы почти любой из них, окажись он в магазине. Но главный инженер умерил мой пыл:

— Это перспективная партия, мы ее только еще будем предлагать торговле.

Возле манекенов с этими моделями инспекторам делать нечего: костюмы превосходны. Есть новинки — куртки и брюки из заменителя кожи; для мотоциклистов

бы производением искусства. Потерю эту вроде бы ничем не измерить. ГОСТ — Государственный стандарт — за нее тоже не зыскивает. К отсутствию этого «чуть-чуть» вроде бы притерпелись: «Массовка, что поделаешь?»

«Большевичка» — фирма солидная и уважаемая, она создала у себя отдел, в котором работают конструкторы и модельеры. Это они авторы тех высокого класса костюмов, которые мы увидели в экспериментальном цехе.

— Но может ли конструктор повлиять на качество попавшего на конвейер изделия? — спрашиваю я. — Имеет ли он право просить выпуск пиджака, отличающегося от эталонного?

— Запретить? Нет! — отвечают мне. — Но может сигнализировать администрации, и его поддержат...

«А не полумера ли это?» — думал я, когда из экспериментального мы шли в цех массового пошива...

И не выходила из головы сценка, свидетелем которой оказался только что, в экспериментальном,

понятие «элегантность», несколько огрубляя его, придавая ему грани, не учитываемые авторами моделей, конструкторами.

Конвейер не простое дело. Одинаково шьют десятки, сотни тысяч костюмов — для людей разных в общем-то не только по вкусам и склонностям, но и сложенных раз-

но. ...Еще в прошлом веке русский математик Пафнутий Львович Чебышев привез в Париж на математический конгресс доклад, который даже парижанам показался несколько экстравагантным. Но прошло время, и оказалось, что исследование академика П. Л. Чебышева «О кройке платья» необходимо пошиву без математики не обойтись. Лишь наука может дать точное определение типов и размеров. Не случайно же в начатой несколько лет назад работе швейникам активно помогали антропологи: провели десятки тысяч измерений, которые стали основой государственного стандарта «Типовые фигуры мужчин и женщин. Размерные признаки для проектирования одежды». Определено и зафиксировано, в частности, 144 типовых мужских фигуры.

Можно сшить один-два, ну, скажем, десять костюмов и не зная

ла в магазин мужских костюмов, — рассказывает Нина Михайловна. — Дай, думаю, постою за прилавком, узнаю, что говорят о наших изделиях покупатели. Почти никто не жаловался на качество ткани. Да и модель не критикуют. И все же бывает, что наденет человек костюм и тут же снимает: плохо сидит.

Мы стали анализировать работу конвейера. Шаг за шагом. И пришли к выводу, что большая доля вины приходится не на шитье, не на модель, часто даже не на ткань, а на то, чего покупатель сначала и не замечает, — на прикладные материалы.

...И вот какое сравнение мне привели. Если плох фундамент, дом рано или поздно оседет, скобочится, а то и треснет. Есть свой фундамент и у костюма, он называется каркасом. Прикладные ткани и материалы — это и есть каркас. Если поставить плохую бортовку, не жди элегантности. Сейчас все больше входят в практику дублированные ткани (к основной подклеивается вторая, попроще,

подешевле, но обладающая важным качеством: хорошо держит форму). Идут они и на пиджак, на его переднюю часть. Но на «Большевичке» этого пока не делают, только еще нацеливаются. Дублирование заметно увеличит себестоимость. Выиграет качество? Конечно! Но себестоимость...

Да и мало тканей для дублирования. Дирекция все пороги обила, чтобы получить требуемое.

— Бьемся-бьемся и никак не можем получить высококачественную бортовку, хорошие пуговицы и нитки,— с горечью говорит Пичугина.

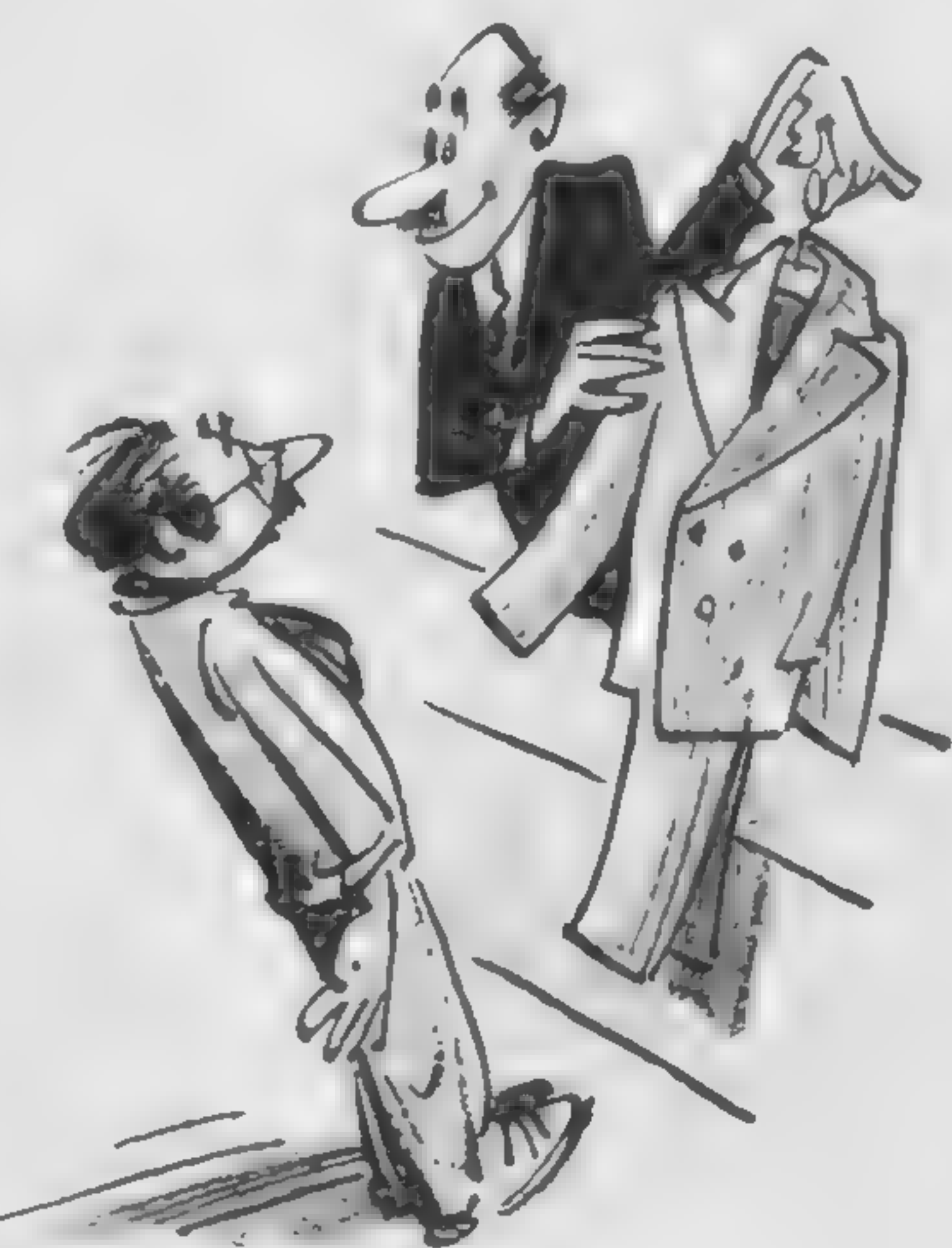
Проблема приклада — одна из острейших. Все, что идет на костюм, должно быть одинаково высокого качества. Подкладка — в точности соответствовать верху, прежде всего — по усадке. Мне показали бобину с бесцветными нитками... Они принимают цвет той ткани, из которой шьют костюм. Строчка получается почти незаметной. Кроме того, эти нитки эластичны, что придает шву стройность. Но нет таких на предприятии. Шьют костюм по-прежнему плохими...

С главным инженером, с инспекторами, с работниками ОТК предприятия направляемся на склад готовой продукции. Продолжаем по дороге разговор с Веселовым. Сейчас на «Большевичке» создают отдел, который будет заниматься только качеством. Казалось бы, зачем? Если сравнить костюмы «Большевички» с изделиями других фабрик, — явное предпочтение московской продукции. Но требования покупателя опережают то, что делают сейчас на «Большевичке». Новому отделу и предстоит заниматься качеством

М Е И Е М

во всех его аспектах. Но если этот отдел не запишет в свой производственный план такой показатель, как элегантность, не справиться ему со своей главной заботой.

Почти миллион костюмов, что дает «Большевичка» ежегодно, уже заказан торговлей. Это, конечно, вносит в работу некоторый элемент успокоенности... Но костюмы еще надо сшить и доставить в магазины. «Большевичка» давно осуществляет прямые связи с торговыми предприятиями. Фабричный склад, как филиал магазинных. Вот отдел «Мужской моды», вот гумовский, цумовский, а тут магазины помельче. Отсюда, с предприятия, везут костюмы в специальных машинах. Но бывает и так: отутюженные костюмы навалом грузят в контейнер. И они попадают в магазины в таком виде, что даже самый лучший не захочешь купить: так измят. Да разве можно возить навалом? Мне сказали, что чимкентская фабрика укладывает каждый костюм в коробку, аккуратную, специально

Рисунки В. ЧЕРНИКОВА.

для него сделанную. Почему же в Чимкенте можно, а в других городах нельзя?

...Зинаида Александровна и Юрий Федорович снова придирчиво осматривают, обмеряют, выверяют костюм за костюмом. И как бы между прочим вспоминают историю двухлетней давности.

— Тогда пошли с конвейера костюмы низкого качества. И швейникам «Большевички» сказали: улучшайте свои изделия, иначе магазины перестанут их брать. И сейчас мы в общем-то спокойны за их продукцию.

Это подтверждает и выборочная проверка. Лишь у пятнадцатого по счету костюма находят что-то неладное с рукавом. Признаться, я бы не обратил внимания на эту мелочь. Но от Захаровой и Монахова она не укрылась. Изделие возвращают в цех. Такое встречается. В девяти процентах костюмов, выпускаемых на предприятии, приходится устранять те или иные дефекты. На пути брака стоит отдел технического контроля и сами рабочие. Девять процентов — не мало. Но все же важно, что брак в основном не доходит до магазина. Однако какая-то часть костюмов, к сожалению, проскальзывает и попадает на прилавок. Хорошо, если в магазине выловят недоделку... Но бывает и так, что она, миновав все фильтры, доходит до покупателя.

А в среднем все вроде бы неплохо... Тогда почему же костюмы «Большевички» иногда залеживаются в магазинах? Не из-за того ли, что они порой не очень элегантны? (Это слово я не случайно употребляю так часто. Хотелось бы, чтобы этим определением оперировали не только в Домах моделей, но и тут, на конвейере.)

— Если костюмы, лишенные элегантности, залеживаются, значит, элегантность — категория экономическая? — спрашиваю Бориса Петровича Веселова.

— Давайте прежде всего уточним термин. Мне кажется, что он держится на моде, качестве исполнения и качестве ткани.

Что ж, главному инженеру виднее. Но ведь, придерживаясь этих трех китов, нельзя точно определить — элегантны ли костюмы «Большевички»?

— Сшит безукоризненно! — говорит инспектор. И это так. — Ткань хорошая. — Тут уж и я разбираюсь. Модно ли? Говорят, что да. И тем не менее костюм неэлегантен. В чем дело? Нет в костюме изюминки. Мое представление, конечно, субъективно, и я провожу эксперимент: заметив, что костюм идет в магазин «Мужская мода», делаю на ярлыке почти незаметную пометку. Через несколько дней я приехал в магазин «Мужская мода» и, представьте, нашел «меченый» костюм. Не купили его и на следующий день.

— Почему? — спросил я одного из кандидатов в покупателя.

— Не очень хорошо сидит...

— Почему не купили? — спрашиваю второго.

— Все портят пуговицы. Посмотрите, застегнул пиджак, и он сразу стал неэлегантным.

— Если костюм не покупается потому, что он неэлегантен, значит, это категория экономическая? — На этот раз я спрашиваю главного художника Общесоюзного Дома моделей Л. Ф. Турчановскую.

— Не могу согласиться! — возражает она. — Элегантность — это эстетика.

— Может ли ГОСТ включить в себя формулу элегантности?

— Не знаю, не думал над этим. — Это уже говорит начальник отдела теории и перспективного развития ассортимента изделий и моды ВИАЛепрома А. И. Филатов. — Вообще-то, — продолжает он, — в ГОСТ вносятся конкретные показатели, которые легко проверить. Я считаю, что «Большевичка» выпускает элегантные костюмы.

— А на вас, Анатолий Иванович, костюм «Большевички»?

— Я шил свой костюм...

Председатель Госстандарта профессор В. В. Бойцов заметил недавно в «Коммерческом вестнике»: «Стандарты диктуют размеры, разумный крой, носкость вещи, критерии ее оценки, оставляют полный простор для творческой фантазии художников-модельеров, создающих самые разнообразные конструкции и фасоны модной, элегантной, современной по силуэтам одежды...»

Значит, Госстандарт за элегантность? Да, но, видимо, ему надо пойти дальше. Формула элегантности должна быть введена и включена в ГОСТ. Как это сделать? Пожалуй, сразу не придумаешь. Но коль скоро характеристики идущих на костюмы тканей и фурнитуры можно заложить в ГОСТ, значит, можно и общую гармонию шитья костюма поверять «языком алгебры»?

Начальник отдела легкой промышленности Госстандарта СССР Ф. Ф. Коваленко на мой вопрос о взаимоотношениях элегантности и ГОСТа отвечает:

— Элегантность? Мне кажется, что это понятие складывается из тех элементов, что перечислены в ГОСТе. Соответствующий его требованиям образец костюма, его эталон, так сказать, обычно бывает элегантен. Особенно если он сшит на хорошем предприятии. Беда в другом: продукция с конвейера подчас не похожа на эталон. Вот в чем зло.

...Никто не ведет статистику отступлений от образца. А это была бы поучительная и полезная статистика. И еще: покупателю не дано судить, есть ли такие отступления. Нельзя ли утвержденный образец выставлять в торговых залах — хотя бы в крупнейших фирменных магазинах? Чтобы было с чем сравнить покупаемый костюм. Вот образец, а вот массовые изделия. В магазине «Мужская мода» эталоны есть, но не тех костюмов, что сейчас в продаже, а перспективных, завтрашних.

Странно и другое. Коллектив «Большевички» соревнуется со швейниками Ленинграда и Одессы. Но продукцию ленинградской фабрики почти не увидишь в Москве, а московской — в Ленинграде; они не встречаются в торговых залах. Как же покупателям сравнивать?

Часть вины за неэлегантный, а то и просто плохо сшитый костюм должна взять на себя торговля. Я был на заседании коллегии трех ведомств — Министерства торговли РСФСР, Министерства легкой промышленности РСФСР и правления Роспотребсоюза. И вот что услышал в выступлении одного из руководителей швейной промышленности, Валентины Алексеевны Колосовой.

— Самое страшное для нас — непроданные костюмы.

Она тут же уточнила: 50 (!) процентов костюмов, сшитых на одной из фабрик, не были проданы на оптовой ярмарке: торговля поставила перед браком заслон. Отлично! Но швейники, не взяв торговлю приступом, пустили слезу, разжалобили торговых работников, и те понемногу стали принимать товар, от которого недавно отказывались...

Судьбу этих костюмов легко представить.

* * *

Говорят, по одежке встречают. Всегда ли помнят об этом на швейных предприятиях да и в Министерстве легкой промышленности?

АНКАНТО

З

емля провалилась вниз. Анканто посмотрел в окошко, надеясь увидеть остров. С морской стороны далеко тянулась открытая вода, белели пятнышки льдин, а ближе к кромке земли — четыре грузовых теплохода стояли на рейдовой разгрузке. На севере синева была густой — там остров.

Потом земля исчезла, и под самолетом началась серая пелена облаков.

Самолет летел в Москву. Впереди предстояли две посадки.

Анканто огляделся. Глубоко вдавились в свои кресла пассажиры, привязанные похожими на собачьи алыки ремнями. Почти все сидели, закрыв глаза, лишь несколько человек озирались по сторонам, время от времени упираясь взглядом в горящую красную надпись: «Не курить! Надеть привязные ремни!»

Не найдя ничего примечательного, Анканто тоже закрыл глаза.

Анканто почти всю свою жизнь прожил на острове в Ледовитом океане. Только три года провел на мысе Шмидта, учился здесь с пятого по седьмой класс. И все три года не было

дня, чтобы он не вышел на берег взглянуть в молочно-белую даль Ледовитого океана в тщетной попытке увидеть родной остров. Да и как его увидишь отсюда, если эта далекая земля была открыта только в конце прошлого века и заселена уже в советское время.

Анканто тосковал по острову. Его угнетало сознание того, что здесь, на мысе Шмидта, за спиной, нескончаемая твердь, великий азиатский материк, который где-то далеко смыкается с Европой и кончается уже в немыслимой дали. Это было непостижимо! И, хотя всю эту протяженность земли можно было увидеть на карте и даже ткнуть указкой в Цейлон или Калькутту, великое расстояние убивало реальность.

То ли дело на родном острове! Границы земли там определены. В тундре гнездятся белые канадские гуси, у западного мыса Блоссом в осенние штормовые ночи — лежбища моржей. Если подняться над островом, можно обозреть все его берега, границы, белую оторочку прибрежного льда... Своя земля, своя родина.

После окончания семилетки Анканто заявил родителям, что дальше не желает учиться и хочет стать охотником на морского и пушного зверя, как были отец, дед и все его предки.

Анканто облачился в отцовскую кухлянку, в его камусовые штаны, натянул пахнущую морозом белую камлейку и отправился на морской лед.

Позади оставался берег родного острова... Дышалось легко и просторно. Над головой такое небо, какого нет даже на мысе Шмидта, — высокое, с причудливыми облаками по горизонту. К вечеру облака сгустятся в тучи, и их погонит ураганный ветер. Но к тому времени Анканто уже вернется домой и крепко закроет дверь, чтобы ни одна снежинка не провалилась в сени, где лежат собаки.

Анканто шел к полынье, где предполагал убить нерпу. Сейчас только начало зимы. Белая медведица ищет место для снежной берлоги, где она выведет детенышей. Стрелять белых медведей нельзя — запрет. Штраф — пятьсот рублей. Анканто читал, что в Канаде и на Аляске до сих пор стреляют белых медведей. Богатые охотники на маленьких самолетах гонятся за медведем, пока тот в изнеможении не падает на лед. Тогда убить его не составляет никакого труда...

До запрета на острове тоже били белого медведя. Из-за шкуры. Шкуры покупали полярники, летчики, разные приезжие. Хорошо платили. Самим шкура была ни к чему: жили в домах, пологи не шили, а для одежды она слишком тяжела. Тогда били медведей и не знали, что их мало осталось. А потом пришел запрет. После запрета цена на шкуры так подскочила, что бедного умку стали бить пуще прежнего, пока несколько человек не поплавились штрафами и не предстали перед судом. После этого охота на медведя прекратилась.

Когда Анканто вернулся на остров, запрет действовал уже несколько лет. Но ему умка был не нужен. Охотник довольствовался тем, что добывал нерпу, лахтака, летом бил моржей, а зимой ставил капканы на песцов.

Он был доволен своей жизнью. Женился, родились дети.

Дни проходили за днями, зима сменялась коротким летом, и все в жизни Анканто было твердо, размеренно, как чередование лунных фаз. Колхоз преобразовали в совхоз, председателя стали называть директором, а Анканто стал получать зарплату, словно на заводе, хотя в его собственной жизни ничего не изменилось: он занимался тем же — охотился, бродил по островной тундре.

Так текла бы неизвестно сколько жизнь Анканто, если бы он не повстречал одного человека... Это был представитель зооцентра, приехавший отлавливать белых медведей. Его звали Виктор Новиков. Он был еще совсем молодой, но о животных знал даже больше, чем было написано в книге Брэма «Жизнь животных», которую Анканто получал по подписке. Парень сразу понравился Анканто не только потому, что мог долго рассказывать о своих путешествиях по странам Арктики и Африки, не только потому, что хорошо знал жизнь зверей, а, главное, тем, что сам отлично ориентировался во льдах, умело читал едва видимые следы на твердом арктическом насте.

В ту весну снежных берлог у берегов острова было множество. Отлов прошел успешно. Медведей поместили в большие железные клетки и стали ждать хорошей погоды, чтобы отправить их самолетом в Москву.

Медведи жили на полярной станции. Анканто часто приходил к ним и смотрел на зверей. Медведи глядели на человека маленькими злыми глазками, и от этого у Анканто в животе становилось холодно. Жалко ему было умок...

Из домика выходил Виктор Новиков и заводил речь о том, как хорошо будет медведям в Московском зоопарке. По его словам, получалось так, что нет лучшего места для зверей, чем зоопарк.

— Вот приезжай, сам увидишь! — горячо доказывал Новиков, встречаясь с недоверчивым взглядом Анканто. — Всего-то лететь двенадцать часов. Зато почти всех зверей мира увидишь.

Наконец пришел самолет. Анканто сам помогал грузить клетки, устанавливал их в тесном чреве грузового самолета.

— Ну, до встречи! — крепко пожимая руку, сказал Новиков. — Жду в Москве.

А почему действительно не съездить в Москву? Почти все островные жители побывали на материке, на курортах, в больших городах...

Анканто посоветовался с женой и пошел к директору совхоза. За многие годы у Анканто накопилось столько отпусков, что, пожелай он воспользоваться ими разом, пришлось бы ему отдыхать года два, а то и три подряд.

Директор совхоза выписал отпуск и спросил, до какого места брать билет.

— Мне только в Москву, — ответил Анканто.

— Есть путевки в Крым, на черноморское побережье Кавказа, — сообщил директор. — А если не хочешь далеко ехать, можешь отправиться на курорт «Талая», возле Магадана.

— Да мне только Московский зоопарк посмотреть, — упрямо настаивал на своем Анканто.

— Мало тебе тут зоопарка! — проворчал директор, выписывая Анканто отпускные, сумму довольно значительную.

...Самолет пролетел над мысом Шмидта. Мыс напомнил Анканто школьные годы, даже в сердце защемило. Несмотря ни на что, это были хорошие годы. Каждый день широко раздвигал мир, и ощущение собстенного непрекращающегося роста пугало так, что Анканто часто видел себя во сне стоящим на краю бездны.

Светло и спокойно сейчас вокруг...

Хорошая погода сопутствовала Анканто до самой Москвы.

Когда самолет пошел на снижение, Анканто прильнул к окошку и не отрывался до того момента, когда надо было выходить из самолета. Да, это была совсем другая земля — зеленая, теплая и хорошо обжитая. Куда хватал взгляд, между лесными зарослями виднелись дома — селения, селения, города, города...

Из аэропорта Анканто позвонил Виктору Новикову. Биолог закричал, чтобы Анканто немедленно брал такси и ехал к нему. И еще пожурил, что не дал телеграмму, а то бы встретил его.

— Ну, что я, делегат какой? — смущенно пробормотал в трубку Анканто. — Доберусь как-нибудь сам.

Возле аэровокзала Анканто увидел машины с зелеными огоньками и уверенно подошел к одной из них.

— В Москву, на Фестивальную улицу, — сказал он шоферу.

Машина понеслась по шоссе. Сначала Анканто с интересом оглядывался по сторонам. Но все деревья были одинаковы, а вот цифры, резко выскакивающие на счетчике, забавляли. Как раз перед отъездом Анканто видел фильм о женщине, которая, как и Анканто, впервые приехала в столицу. Она очень жалела деньги. Здесь километр стоит десять копеек. Разве дорого? На собаках дороже.

— Через центр поедем? — вежливо осведомился шофер.

Анканто важно кивнул:

— Через Красную площадь.

— Через Красную площадь не ездят, — заметил шофер.

— Тогда поблизости, — сказал Анканто, — чтобы Кремль было видно.

Кремль был в точности такой, как в кино или на картине. Сердце Анканто застучало сильнее, словно он увидел что-то родное, близкое. Жаль, что быстро все промелькнуло...

— Зоопарк отсюда далеко? — спросил Анканто.

Шофер от неожиданности притормозил.

— Вам в зоопарк?

— Не сейчас, — успокоил его Анканто. — Давайте поедем на Фестивальную.

Машина шла по большой прямой улице.

— Если не останавливаться, — сказал шофер, — можно доехать прямо до Ленинграда.

— До Ленинграда не поедем, — попросил Анканто.

Шофер замолчал. Он краем глаза поглядывал на своего пассажира. Затормозив перед светофором, спросил:

— Вы не из Средней Азии?

— Нет. С Чукотки я.

— О-о! — уважительно протянул шофер. — Люблю ваш край.

— Вы бывали у нас? — удивился Анканто.

— Да нет, не довелось, — с сожалением в голосе ответил шофер. — Но много читал. Как там у вас насчет охоты?

— Зверь еще есть.

— Хорошо, — удовлетворенно сказал шофер. — Приехать бы к вам с ружьем.

— Можно приехать с ружьем, — кивнул Анканто. — Вот только на гусей охотиться нельзя — запрет. На белого медведя тоже. На моржа и других ластроногих — ограничение.

— Черт знает что! — выругался шофер. — Охотнику житья не стало — кругом запреты! Хоть ружье выкидывай!

Анканто с сочувствием покосился на шофера.

— Песца можно ловить капканом сколько хочешь, — утешил он.

— А вы охотник или оленевод? — спросил шофер.

— Охотник.

— Где же вы так хорошо научились говорить по-русски?

— В школе, — ответил Анканто. — У нас на острове все хорошо говорят по-русски. И еще знаю чукотский, эскимосский.

— Полиглот! — восхищенно произнес шофер, быстро глянул на пассажира и заметил: — По внешнему виду не скажешь, что вы охотник.

— Да я все свое оставил на мысе Шмидта, — почему-то смутился Анканто. — А это купил там, в магазине.

Фестивальная улица представлялась Анканто веселой, нарядной, праздничной, но она оказалась довольно обычной, застроенной одинаковыми домами. Правда, между домами много зелени, и первые этажи почти полностью скрыты густыми ветвями.

Виктор Новиков стоял у подъезда своего дома. Он заключил в объятия вышедшего из машины Анканто и повел по лестнице на пятый этаж.

Дверь квартиры была широко распахнута, и на пороге стояла жена Виктора Новикова.

— Вот он, Анканто, Леночка!

Лена подала мягкую белую руку и сказала:

— Мне очень приятно. Заходите, пожалуйста.

В большой комнате был накрыт стол. Было много красных помидоров, зеленых огурцов.

— Для начала позавтракаем, — объявил Виктор Новиков.

Здесь, в Москве, биолог выглядел совсем по-другому. Анканто подумал, что и сам он не только внешне другой, но и ведет себя несколько иначе, как бы держал себя дома, на арктическом острове.

Новиков налил по рюмке и предложил выпить за встречу.

Анканто пил, ел и думал, как хорошо живут москвичи, если они вот так каждый день завтракают. Такой стол бывал на полярной станции острова только в большой праздник.

После завтрака Виктор предложил гостю отдохнуть, но Анканто отказался, напоминая:

— Я же приехал зоопарк посмотреть.

— Может, все-таки сначала город посмотрим? Выставку достижений народного хозяйства?

— Нет, сначала зоопарк, — упрямо настоял Анканто.

Анканто впервые спускался в метро, но чувствовал себя так, словно уже много раз проделывал все это — опускал монету в прорезь автоматического контролера, ехал на самоходной лестнице, садился в переполненный вагон.

Новиков объявлял вслед за голосом невидимого человека о каждой остановке, но Анканто эти названия ничего не говорили, потому что он не был никогда ни на «Водном стадионе», ни на «Соколе», ни на «Белорусской». Он только пытался себе представить, что, скажем, «Водный стадион» — то же самое, что и обычный стадион, но покрытый водой, «Аэропорт» — это каждому понятно, а вот «Сокол» — это, наверное, что-то вроде птичьего базара, нагромождение скал, на которых гнездятся гордые птицы из художественной литературы — соколы. Даже захотелось выйти и посмотреть на них.

С некоторым волнением Анканто прошел через арку на территорию зоопарка. Он ожидал увидеть чудо, во всяком случае, сразу же думал оказаться среди зверей, но ничего похожего вокруг не было. Куда ни посмотри — везде были люди. Люди как люди, ничего в них особенного, интересного, такие, как Анканто, как Виктор Новиков. Правда, большинство не жило на островах. Может быть, только вон те смуглые, говорящие не по-русски, может быть, они кубинцы. Они ведь тоже островитяне. А вон те явные индийцы. Они были знакомы Анканто по журналам, кинофильмам...

— А где же звери? — нетерпеливо спросил Анканто Новикова.

— Будут звери, — ответил Новиков. — Гляди!

Да, это был настоящий слон. Серая громадина стояла на небольшом возвышении, утыканном по краям огромными железными шипами. Великий зверь лениво помахивал серым хоботом и прядал огромными, похожими на мешки из-под сахара ушами. Кругом толпились любопытные и бросали слону конфеты, куски сахара и белого хлеба. Хобот, словно существующий отдельно от слона, хватал людские дары и кидал в щелевидный, старчески беззубый рот.

Возле обезьянника было много детей. Один веселый человек старался разговаривать большого шимпанзе за толстым стеклом. Но шимпанзе упорно глядел в одну точку.

— Родину, наверное, вспоминает, — задумчиво заметил Анканто.

— Он родился в зоопарке.

Анканто недоверчиво посмотрел на Новикова.

— Правда, — подтвердил Виктор.

— Значит, что-то другое вспоминает, — сказал Анканто.

Анканто и Новиков медленно шли мимо клеток, где содержались животные, пробирались сквозь густую толпу. Большие жирафы упорно смотрели на охотника и медленно двигали мягкими серыми губами. А над ухом Анканто звенел высокий, уверенный голос Виктора Новикова, рассказывающего о достижениях мирового зоопаркового дела, о редких и замечательных зверях, которых не так легко поймать.

НАСТАВНИК ЮНЫХ

Многие из современных литераторов могли бы занять у Марии Павловны Прилежаевой и молодого задора, и неутомимой увлеченности жизнью, и жажды познания.

До чего ж она легка на подъем! Стоит ей узнать, что где-то найдены неизвестные архивные документы, нужные для работы над книгой, что где-то живет редкостной душевной красоты человек, повидавший многое в жизни, что где-то проходит широкое творческое обсуждение произведений для детей и желательность ее участие в диспуте, как Мария Павловна, покинув свою уютную квартиру в Лаврушинском переулке, уже спешит туда: в таежный сибирский край — за новыми историческими сведениями, неожиданно обнаруженными сельскими следопытами; в при-

волжский город — на встречу с интересным человеком, лично знавшим Ленина; в солнечный Дагестан — на писательский пленум по детской литературе, где непременно надо сказать слово о товарищах по профессии... И, как правило, в дальнейшем путешествие она отправляется не одна, а еще и увлекает за собой литературную молодежь, заражая ее жаждой поиска, радостью открытий.

А с какой сердечностью откликается она на людские праздники и горести! Вышла первая книжка начинающего автора — и Мария Павловна раньше всех критиков пишет о ней рецензию в газету. Заболел знакомый писатель — и Мария Павловна собирает друзей, чтобы навестить его в больницу. У кого-то нелады в семье, отбилась дочь от рук — и снова

первой на помощь приходит она, неутомимая и заботливая Мария Павловна.

В московском творческом объединении детских и юношеских писателей, где она сменила на посту председателя безвременно ушедшего от нас Льва Кассиля, во Всесоюзном совете по детской литературе, членом которого она бессменно является со дня его образования, Мария Павловна известна еще и как великолепный докладчик, тонкий и объективный ценитель художественных произведений, умный и добрый воспитатель писательской смены. Когда на собрании председательствует Мария Павловна, то — уж будьте уверены — скучать не придется, в живой, непосредственный разговор вступит и стар и млад, писатель и читатель — каждому собрание пойдет впрок.

Диву даешься, как только хватает у нее сил и энергии на все это! Право же, ее душевной молодости, неистощимой любви к жизни, людям и литературе можно лишь позавидовать.

Бывшая сельская учительница, она и на писательском поприще сохраняет верность своему первому призванию. И не только тем, что каждая книга ее преподносит добрый урок юному читателю, проиннивованно учит жить, беречь честь смолу, но и тем, что среди главных действующих лиц мы находим немало учителей и школьников, которым автор безраздельно отдает свои симпатии, любовь сердца.

Таковы персонажи ее первой повести «Этот год», опубликованной в самом начале Великой Отечественной войны, после того, как писательница двадцать лет проработала в школе. Прототипом героя повести стал ее любимый ученик, добровольно ушедший на фронт. А через три года появилась новая повесть, «Семиклассницы», посвященная детям сурового военного времени. Самое широкое читательское признание принесли автору послевоенные произведения на школьную те-

му: «Юность Маши Строговой», «Над Волгой», «С тобой товарищи», «Пушкинский вальс».

Каждая из этих книг — это напряженный художественный поиск положительного героя нашей эпохи, который бы стал примером для юношества. И вполне естественно, что этот творческий поиск привел писательницу — после того, как она выступила с двумя историко-революционными повестями: «С берегов Медведицы» и «Под северным небом», — к образу Ленина. Первый опыт ее в этом направлении — повесть «Начало», пронизанная волнующей романтикой революции. Затем появились и другие книги об Ильиче — «Удивительный год», «Три недели покоя» и, наконец, художественно-биографическая повесть для детей младшего возраста «Жизнь Ленина», удостоенная Государственной премии РСФСР имени Н. К. Крупской.

Повествуя о днях минувших, писательница заглядывает в своих книгах в день сегодняшний, обращается к нашему молодому современнику. Не зная революционного прошлого, трудно понять и верно оценить настоящее, зримо увидеть будущее. И не только в этом ценность ее последних книг на историко-революционную тему. Воссоздавая бессмертный образ Ленина, образы его верных соратников, людей героической судьбы, книги эти вдохновенно рассказывают юному читателю о том, каким должен быть наш современник — наследник и продолжатель великого революционного подвига.

И поэтому мы от чистого сердца благодарим писательницу за высокий, честный труд, за книги, которые учат по-ленински жить и работать, и радостно приветствуем ее, талантливого друга и наставника советской детворы, советского юношества.

— Долгий вам счастливых лет, Мария Павловна!

Вл. РАЗУМНЕВИЧ

Анканто вежливо слушал, даже иногда кивал, но теперь он ясно понимал, почему его родители никогда не держали вольного зверя у жилища, хотя можно было сколько угодно наловить тех же белых медвежат, обрезать крылья у гусей.

В огромной каменной чаше, в одном конце днища ее, блестела лужица воды. Возле нее, распластавшись в изнеможении, лежали три белых медведя. Шкуры у них были желтые, грязные, даже какие-то облезлые. Медведи были не очень большие, может, даже этого года.

— Те самые, которых ты мне помог поймать, — сказал Новиков и весело спросил: — Ну как?

— Худо им тут, — тихо ответил Анканто. — Гляди, как тяжело дышат.

Новиков повернулся к гостю и внимательно посмотрел на него. На лице биолога промелькнула тень, и он решительно сказал:

— Ну, хватит. Пошли отсюда.

Анканто последовал за Новиковым. Ему было неловко перед биологом. Ведь поразмыслить — и он сам, Анканто, бьет зверей, колет моржа на лежбище, ловит капканами песцов, караулит у полыньи нерпу, чтобы всадить пулю в круглую голову...

Долго гуляли по Красной площади, смотрели, как меняется караул у Мавзолея, постояли у Вечного огня.

К тому времени, когда надо было возвращаться на Фестивальную, ноги у Анканто ныли так, словно он бродил не по ровным улицам, а шел через торосистые гряды льдов.

В метро в этот час народу было немного, и Анканто с Новиковым сели рядом.

— Ну что ты такой грустный? — спросил Новиков. — Неужели зоопарк тебя расстроил?

— Дело не в зоопарке, — ответил Анканто. — Просто я никогда не думал, кто я такой. Просто жил — и все. Я ведь родился уже не в яранге, а в хорошем деревянном доме. Никогда не голодал. И о яранге и о холоде в

жилище, о голодных днях только в книгах читал да слышал от родителей. Жена у меня хорошая, дети... Вроде бы все как надо у настоящего человека. Очень доволен был. Радовался, что живу на острове, тихо. Мне нравилось, что есть предел, которого я могу достигнуть своими силами, своими ногами, на худой конец могу проехать на своей собачьей упряжке... А теперь вижу — жил худо.

— Да такой жизни, как твоя, можно только позавидовать! — убежденно и весело сказал Новиков.

— Нет, я жил худо, — повторил Анканто. — Очень одиноко жил. По мне было все равно, есть вокруг меня люди или нет.

Вагон замедлил ход, остановился, и невидимый голос объявил, что дальше поезд не пойдет.

Анканто и Новиков вышли на поверхность.

— Пойдем в парк, поговорим там, — предложил Новиков. На тенистой аллее под густыми ветвями стояла деревянная скамейка.

— Вот когда ты увез белых медвежат, — продолжал Анканто, усевшись на скамью, — мне вдруг стало беспокойно. Я подумал: как же так получается — все ездят, видят что-то новое, один я отгородился студеной водой. Даже белых медвежат увидят Москву, а я все одно и то же.

Анканто помолчал. Новиков тоже молчал, его тревожили эти нескладные слова арктического охотника, выросшего в вечном одиночестве среди льдов и тишины.

— Можно сказать, что только сегодня я стал по-настоящему думать, — с виноватой улыбкой признался Анканто. — Спасибо тебе.

— Да, Анканто, зоопарки людям нужны, — убежденно сказал Новиков. — Для науки, для воспитания человека...

— Может быть... — проговорил Анканто. — Только мне теперь надо ехать обратно, на свой остров.

— Но твой отпуск на два месяца. Ты мо-

жешь поехать в Крым, на Кавказ, вообще посмотреть страну...

— Когда льдина плавает по теплой воде, она тает, — ответил Анканто. — Я чувствую, что таю. А то, что я увидел, того мне хватит обдумывать целый год.

— Скажи мне прямо — не понравилось тебе? — в упор спросил Новиков.

— Не обижай меня так. Москва — прекрасная земля. Но ехать все равно надо.

— Но это же смешно — приехать из такого далека всего на один день! Ведь один билет сколько стоит!

— Не дороже, чем на собаках. Даже дешевле. Намного дешевле, — улыбнулся Анканто. — Не надо жалеть деньги. Разве они мерят жизнь?

Ранним утром Новиков провожал гостя в обратный путь... В вагоне метро поехали до городского аэровокзала.

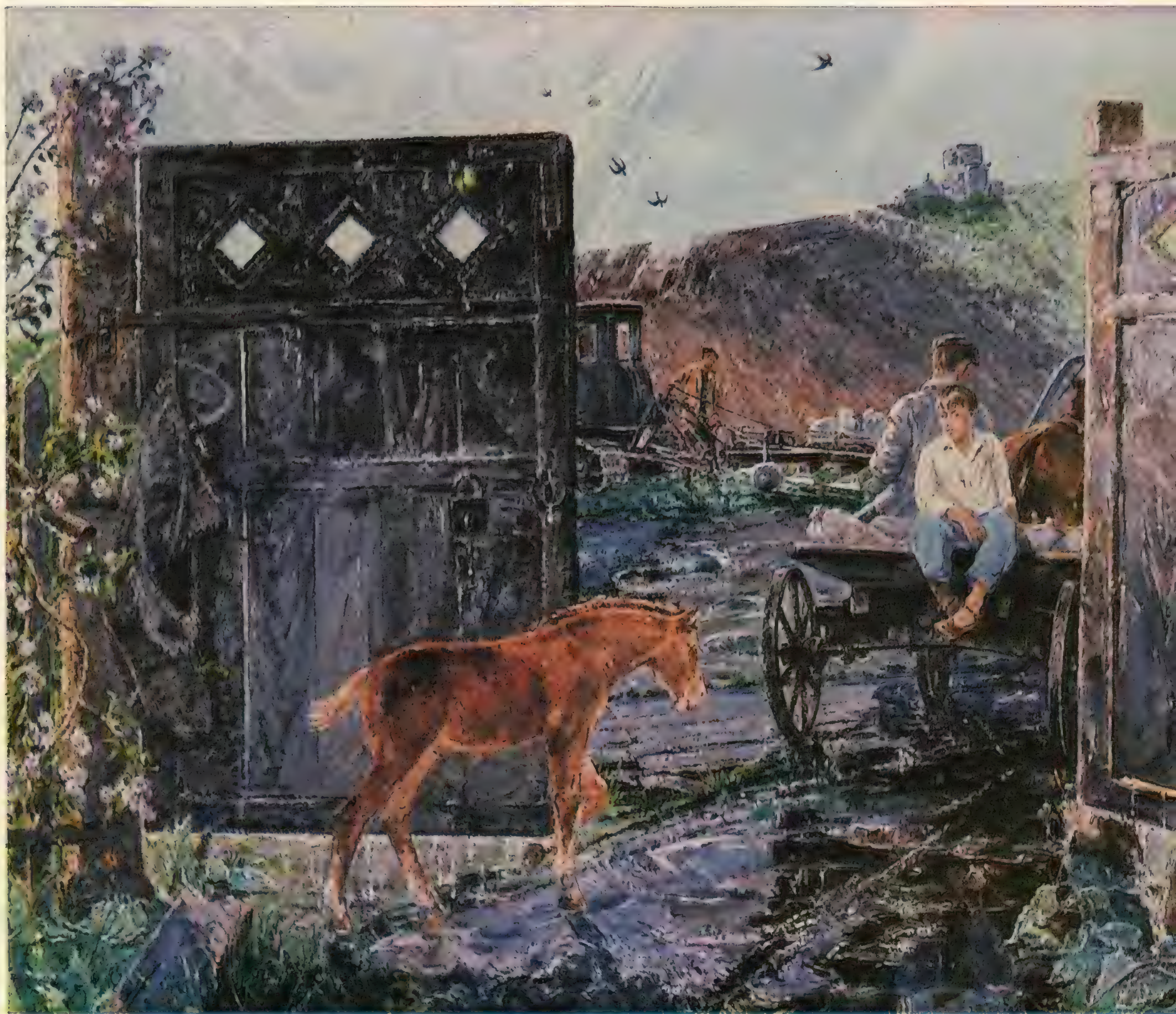
Перед тем, как сесть в экспресс-автобус, Анканто крепко пожал руку Новикову и сказал: — Приезжай. Поговорим.

Медленно развернулся тяжелый автобус, и Новиков еще раз увидел в окне темное, загорелое на полярном солнце и морозном ветру лицо охотника Анканто. Человека, который посеял в голове его семена смутного беспокойства. Он ощутил непонятную тоску, глядя вслед автобусу, и смутно сознавал, что и для него кончилась спокойная жизнь, которой он был вполне доволен, жизнь, в которой он, как считал сам, как считали его окружающие, достиг многого...

Новиков огляделся... Он был уже у входа в метро «Аэропорт». Кругом бурлил пестрый людской поток — счастливые, озабоченные лица, веселые и грустные голоса... Люди как люди.

А где-то по шоссе мчался во Внуково, торопясь на свой холодный остров, охотник Анканто.

Н. Брандт. (Ленинград). ЛАСТОЧКИ.

Художественная выставка «По родной стране».

С. Сафарян (Ереван). ТАНЕЦ ГОР.

Всесоюзная художественная выставка «СССР — наша Родина».

КНИГИ ОСТАЮТСЯ В СТРОЮ

Федор Васильевич Гладков был одним из славных зачинателей советской литературы, крупнейшим художником социалистического реализма. Он начал свою литературную деятельность еще в прошлом веке, но по-настоящему расцвел его талант в годы Советской власти.

Почти пятьдесят лет прошло со дня выхода в свет романа Ф. Гладкова «Цемент» («Красная новь», 1925, №№ 1—6), но и до сих пор это произведение, в котором впервые был раскрыт трудовой подвиг советского рабочего класса, сохраняет поэтическую свежесть. Новаторство ее сразу же отметил Горький. «До Вас этой темы никто еще не коснулся с такой силой. И так умно», — писал он автору романа.

В «Цементе» выступил на арену деятельности новый герой, герой-строитель, рабочий-коммунист Глеб Чумалов. С подлинной страстью борется герой за восстановление завода, понимая, что именно завод сможет сплотить рабочих, возродить их к новой жизни. Название романа раскрывается в словах Глеба: «Цемент — это мы, товарищи, рабочий класс».

В центре произведения — люди, для которых коллективный труд — творчество. Любовь к труду Глеба Чумалова, его жены Даши, механика Брынзы, бондаря Савчука и других писатель изображает в качестве неотъемлемой части их новой психологии, рожденной в процессе строительства социализма.

«Цемент» явился предшественником многих романов о рабочем классе конца 20-х — начала 30-х годов, на нем можно было «строить дальше».

Сам Гладков тоже начинает напряженно работать над новым произведением — романом «Энергия» (1932—1938). Он надолго уезжает на строительство крупнейшего гиганта первой пятилетки — Днепровской электростанции, наблюдает там творческий рост людей, развитие новых методов труда, жизнь партийной организации и всего коллектива рабочих и технической интеллигенции. Работу над монументальным произведением писатель совмещает с публицистическими выступлениями. Его «Письма о Днепрострое» тепло отмечались на недавнем (1973) IV пленуме Правления СП СССР как пример непосредственного участия художника в преобразовании мира.

В своих очерках Ф. Гладков писал: «Днепрострой — это микроскоп всей нашей страны со всеми ее особенностями и противоречиями. Это — как капля, в которой отражаются все сложнейшие процессы жизни Союза Республик».

И в романе «Энергия» раскрываются процессы, типичные для всей страны в целом: массовый трудовой героизм, ускоренные темпы внедрения новой техники, освоение природных богатств, рост сознательности рабочих людей, зарождение новаторского движения. Своеобразие романа и определяется его ярко выраженной эпичностью. «Энергия» знаменовала собой дальнейший рост Ф. Гладкова как художника, сумевшего создать обобщенную картину трудового энтузиазма советского рабочего класса на рубеже 20-х и 30-х годов.

В суровое военное время Ф. Гладков, кроме острых публицистических статей, пишет рассказы и повесть «Клятва» (1944). В «Клятве» писатель раскрывает дела и думы рабочего-новатора фрезеровщика Николая Шаронова, воплощающего в себе лучшие качества советского патриота. Тылую жизнь нашего народа Гладков

рисует в виде напряженного боя; дыхание фронта ощущается во всех картинах заводского труда.

В центре внимания Гладкова всегда находилось постижение внутреннего мира советского рабочего, героической сущности его деятельности.

«Почему сельская жизнь — это поэзия, а завод с тысячами людей и чудесных машин — скучная проза? — писал Ф. Гладков. — Я думаю, это потому, что наши художники не знают этой сложной и огромной жизни, для них она — за семью печатями, на краю земли». Он неустанно призывал писателей полюбить жизнь рабочего класса, слиться с ней, чтобы воплотить ее в художественных образах нетленной красоты. Эти заветы автора «Цемент» воспринимаются и сегодня как насущная художественная программа.

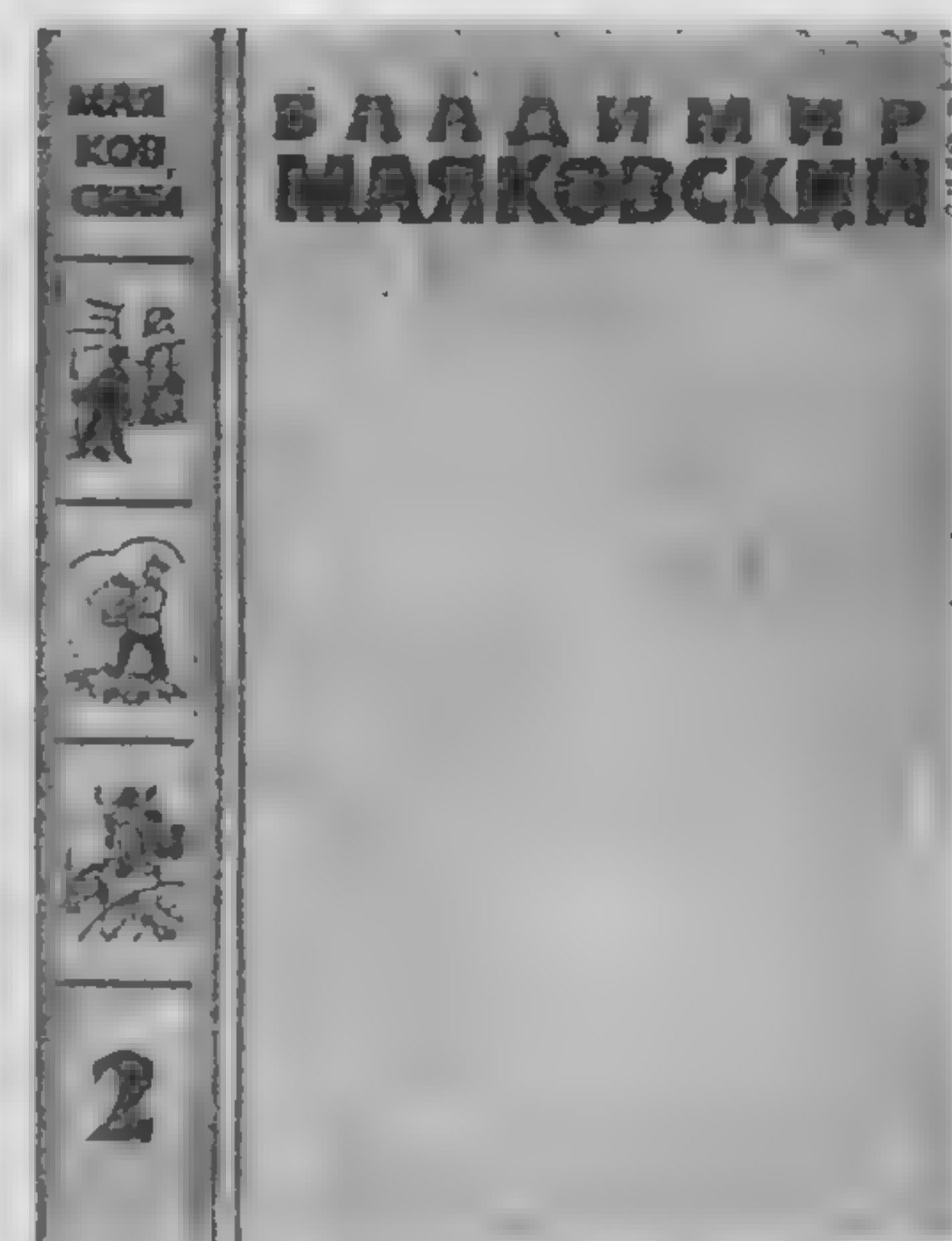
После войны Ф. Гладков создает повесть о своей жизни: в 1949 году появляется «Повесть о детстве», в 1950-м — «Вольница», в 1954-м — «Лихая година». Четвертая книга воспоминаний — «Мятежная юность» — осталась незавершенной (писатель умер в 1958 году).

Обратившись к прошлому русского народа, писатель раскрыл судьбы отдельных людей на фоне общей борьбы рабочего класса и революционного крестьянства за светлое будущее. «Мое повествование, — справедливо писал Ф. Гладков, — не автобиография, а эпопея о нашем русском народе». Особое значение приобретают в книгах Гладкова образы борцов за правду — Микитушки, Гриши-бондаря, Харитона, Прасковей, — нарисованных во всем величии и благородстве их характеров. Талантливость автора, его глубокое знание жизни сказались в широком использовании богатого и образного народного языка.

Федор Васильевич Гладков постоянно и до конца своей жизни совмещал работу над художественными произведениями с общественно-литературной, научной и публицистической деятельностью, заботился о воспитании молодых литераторов. Художник-коммунист, он черпал вдохновение из неиссякаемого источника жизни родного народа. Федор Гладков — всегда с нами в созидании коммунизма, его творчество современно и принадлежит будущему.

А. ВЛАСЕНКО

Ю Б И Л Е Й Н О Е И З Д А Н И Е

К 80-летию со дня рождения трибуна пролетарской революции, великого глашатая социалистической эпохи В. В. Маяковского «Библиотека «Огонек» выпустила в свет шеститомное собрание его сочинений под редакцией Л. В. Маяковской, В. В. Воронцова, В. В. Макарова.

В этом издании впервые повторена структура единственного прижизненного собрания сочинений поэта, над которым он работал в последние годы своей жизни.

Распределяя свои произведения по циклам, В. В. Маяковский руководствовался принципом, изложенным им несколькими годами ранее: «...Я подбирал вещи по характерности для разных моих периодов и по теме — революция». При таком построении подчеркивается идейно-тематическая направленность и жанровые особенности объединяемых под общим заголовком произведений.

Новое издание, в состав которого вошли первые восемь томов прижизненного собрания, подготовленные самим автором, и большая часть произведений из девятого и десятого томов, изданных уже после смерти поэта, включает в себя стихотворения сборника «Грозный смех», сданного Маяковским в печать одновременно с восьмым томом, собранные позднее материалы «Окон РОСТА», а также произведения, не вошедшие в прижизненное собрание.

Ведущая роль в подготовке юбилейного издания принадлежала сестре поэта — Людмиле Владимировне Маяковской, а ее воспоминания о брате широко использованы в комментариях.

Комментарии к каждому тому обширны, их основу составляют документальные материалы, часть из которых публикуется впервые.

Особенно подробны примечания к художественно-автобиографическому очерку «Я сам», открывающему первый том собрания сочинений. Они включают в себя оценки разных фактов и событий жизни и творчества Маяковского видными деятелями Коммунистической партии и Советского государства, писателями, учеными, художниками, журналистами, родными и, дополняя литературную автобиографию, дают полное и яркое представление о поэте — историке и летописце Великой Октябрьской революции, верном помощнике Коммунистической партии в строительстве нового мира.

Новое собрание сочинений В. В. Маяковского иллюстрировано рисунками самого автора и большим количеством малоизвестных фотографий.

Молдавия. Село Долна (Пушкино). 31 мая 1973 года. Выступает председатель правления СП Кабардино-Балкарии поэт Адам Шогенцуков.

ДНИ ПУШКИНА

Борис ПРИМЕРОВ

Вот уже седьмой год в нашей стране широко отмечается Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии. В этом году границы праздника продвинулись на юг — в Молдавию и Одессу.

В Кишиневе, на Антоновской улице, стоит небольшой дом под деревянной крышей — сюда 153 года тому назад привезли в ссылку опального поэта. Ныне здесь Дом-музей.

30 мая впервые начался Пушкинский праздник поэзии на солнечной молдавской земле.

На второй день праздника в сквере Дома-музея собрались гости — писатели, жители города — на открытие скульптурного портрета — памятника А. С. Пушкину.

Руководитель делегации писателей Сергей Сартаков разрезает ленточку белого полотнища, и присутствующим предстает молодой Пушкин кишиневской поры (портрет поэта создал лауреат Ленинской премии Михаил Аникушин). К памятнику возлагаются букеты живых цветов...

В эти дни всюду — на заводах и в библиотеках, на улицах и площадях, в колхозах и университетских залах — звучала поэзия Пушкина. Выступления писателей нашей страны и зарубежных гостей находили самый горячий и сердечный прием.

В молдавском селе Долна (ныне оно называется Пушкино) сохранился дом, в котором бывал Пушкин (в наше время музей). С балюстрады открывается живописный вид на поляну, окруженную холмами и садами, перед домом бронзовый памятник поэту (создан скульптором О. Комовым в 1972 году).

На этом месте и проходил Пушкинский праздник. Почитателей таланта поэта собралось так много, что поляна не смогла всех вместить, но, несмотря на дождь, никто не расхотелся.

На празднике звучали голоса П. Антокольского, Р. Братуня, Е. Долматовского, О. Дмитриева, С. С. Смирнова, М. Танка, Э. Матузевичуса, А. Шогенцукова, И. Юсупова, праправнука поэта — Г. Г. Пушкина, выступили зарубежные гости — Л. Левин (Польша), из далекой Венесуэлы — Мигель Отеро Сильва, Луис Альберто Креспо, Оскар Самбрано Урданета и президент ассоциации писателей Венесуэлы — Хосе Рамон Медина.

Из гостеприимной Молдавии в первый летний день, как бы следуя по пути поэта, участники праздника направились в Одессу. В этом городе Пушкин живет в бронзе и в названиях улиц, в музейных реликвиях домов, в которых бывал поэт.

«Но более всего в сердцах людей, любящих поэзию — поэзию красоты, добра и высокой правды», — сказал С. В. Сартаков на торжественном празднике поэзии в оперном театре.

Пушкинский праздник совпал с открытием Дней советской литературы на Одессчине, в область съехались посланцы братских литератур.

И. ЧИРКОВ, фото автора

Кишинев — Одесса.

С небольшой возвышенности, на которую внезапно въехал наш автобус, Болдино показалось мне фантастической птицей, спрятавшей под крыло свою голову и тихо покачивающейся на легких волнах зеленеющих лугов и полей.

Здесь все освящено памятью великого поэта. Ершистая, расторопная речка Азанка, Криков бугор, заповедная роща «Лучинник», неохватная двухсотлетняя ветла, голубого отлива нежная лиственница, как говорят, привезенная

Пушкиным с Южного Урала маленьким ростком... Я знал, что пушкинская усадьба находится в центре села, и тотчас же поспешил туда. Не терпелось поскорее собственными глазами взглянуть на все то, что, казалось мне, Александр Сергеевич увидел, первый раз отворяя бревенчатую калитку и вступая на двор отцовского дома. На листьях лип, оставшихся от старинной аллеи, некогда окружавшей с трех сторон парк, догорал летний жаркий день. В мутных стоячих водах почти заброшенного пруда неясно отражались тени строения. Грачи-

Молдавия. Кишинев. 31 мая 1973 года. Памятник А. С. Пушкину в сквере Дома-музея на Антоновской улице. Первые цветы...

Одесса. 3 июня 1973 года. Праправнук А. С. Пушкина Григорий Григорьевич Пушкин у мемориальной доски на Доме-музее поэта.

ный грай долго не смолкал даже тогда, когда миром овладели густые сумерки. По нижней плетине я медленно перешел ко второму пруду. Метрах в двадцати от него затаилась аллея смиренных берез. А вот и сам патриарх парка, дуб — кудрявый современник поэта. Чуть заметный трепет, коснувшийся смущенной листвы, напоминает мне какой-то странный, как бы доносящийся из тьмы былого шепот. И, повинувшись этому общему волнению природы, я тоже чуть слышно начинаю шептать: «Брожу ли я вдоль улиц шумных, вхожу ль во многолюдный храм...» Но, как бы очнувшись, вздрагиваю оттого, что голос мой так реально и ясно звучит в колдовской тишине пушкинского парка... Смотрю на часы, пытаюсь разглядеть стрелки и ничего не вижу. Уже поздно. Но уходить не хочется, ибо знаю, что второй такой молчаливой встречи с Пушкиным не будет. Завтра съедутся гости, соберутся сельчане, начнется праздник. Будет и торжественнее все и ярче, но то уже будет совсем другое...

И все-таки праздник, открывшийся на следующий день во всем своем великолепии, был неповторим. Пригласительные билеты, впервые отпечатанные для болдинцев в типографии, звали гостей 2 июня вечером в районный Дом культуры. Еще задолго до начала неспешно стекался народ в просторный, высокий зал клуба. И когда почти все шестьсот мест были уже заполнены, когда на сцене, единственным и прекрасным украшением которой был портрет Пушкина, появились литераторы из Москвы, Горького, Саранска, Уфы, Казани, по рядам как будто прокатился легкий ветерок, и все замерло. Все дышало ожиданием чего-то таинственного и необычного, когда над залом легко взлетели слова поэта, рожденные здесь на болдинской земле. Артистов сменяли поэты — С. Викулов, Н. Старшинов, М. Али-

гер, Макс Майн, Стихван Шавлы... В этот вечер Пушкин звучал на русском, мордовском, башкирском, чувашском, татарском, марийском...

После концерта я никак не мог заснуть. Незаметно для сердца вынесенные мною впечатления обернулись уже воспоминаниями. Вспомнилась моя дорога из Москвы в Болдино. Оказалось, почти тем же путем добирался до своей вотчины Александр Сергеевич. Владимир, Муром, Нижний Новгород, Арзамас, Лукояново. Ехал он на перекладных сюда с одной лишь видимой целью — улучшить свое имущественное состояние перед женитьбой — и поэтому вряд ли мог предполагать, что дни, по какой-то невидимой случайности проведенные им в болдинском карантине, окажутся «приютом спокойствия, трудов и вдохновения», а то, что мы сегодня называем «болдинской осенью», будет символом высочайшего творческого состояния духа. Стоит только взглянуть в перечень написанного Пушкиным в это время, чтобы понять, какое непреходящее значение почти сто лет спустя имеют для нас те давние сентябрьские дни. 7 сентября — «Бесы», 8 сентября — «Элегия», 9-го — окончен «Гробовщик», 13-го — «Сказка о попе и о работнике его Балде», 14-го — «Станционный смотритель». И побежали дни — один прекраснее другого: «Для берегов отчизны дальной» и «Выстрел», «Моцарт и Сальери» и «Прощание», «Скупой рыцарь...». Здесь же 25 сентября 1830 года были написаны последние, венчающие многолетний труд строки «Онегина». Почти три долгих месяца — как три мгновения пролетевших дня — казались внезапным порывом природы, словно это она, вечная, неувядаемая природа, почувствовав в себе пьянящую силу обновления, вдохновила творца, словолюбца, поэта. Позже, три года спустя, Александр Сергеевич Пушкин, пе-

режив вторую свою осень в Болдине, с удивительной точностью запечатлел словом то высшее состояние поэтической экзистенции, какое довелось ему испытать в каждый из тех незабываемых, неповторимых часов:

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим
волненьем, и ищет, как
Трепещет и звучит, и ищет, как
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты
моей.
И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут.
И пальцы просятся к перу,
перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.

Говорят, что эти стихи Пушкин сочинил в березовой роще, куда он любил ездить верхом на лошади в ясные лунные ночи. Из поколения в поколение передается быль, граничащая с легендой: однажды в молодом березняке был пойман срубивший деревце болдинский мужик. Винового привели к самому управляющему имением. На тот случай оказался в конторе Александр Сергеевич. Он услышал, что крестьянину грозит порка розгами, и обратился прямо к нему, спросив, зачем понадобилось рубить березу. Со слезами на глазах держал ответ мужик: «Освещать избу нечем, во тьме сидим». Пушкин тотчас же отменил наказание, только сказал: «Подождите рубить. Роща молодая — настоящий лучинник, потом вам же на пользу послужит». С той поры и называется та роща по-пушкински — «Лучинник». Каждый раз в годовщину рождения поэта под ее гостеприимный зеленый шатер стекаются толпы народа. Так было и в эти дни на болдинской земле. Но более всего

поразило меня даже не это. Главным и, как мне кажется, не входящим ни в какие каноны официальных торжеств стало крепко внедрившееся в сознание народа чувство большого праздника в этот день. Я сам видел, как подходили друг к другу празднично одетые люди, поздравляли с днем рождения Пушкина своих односельчан и приехавших из города многочисленных гостей. «Лучинник» в этот день светился как-то по-особенному. Поодаль от собравшегося перед открытой эстрадой народа стояла небольшая группа пожилых женщин, одетых в старинные крестьянские одежды. Болдинский народный хор готовился к очередному выступлению. Мне указали на главную заповедь — Алену Спиридоновну Козлову, поющую в хоре уже более сорока лет. «Не доводится ли она родственницей», — спросил я, — тому знаменитому Никите Козлову, что провожал поэта в последний его путь — от Петербурга до Святогорского монастыря? «Она и есть», — ответили мне тотчас же.

Когда протяжно, как бы исподволь, завели эти немолодые, но удивительно чистые голоса песню, я на мгновение как бы потерял ощущение времени. Так пели, может быть, при Пушкине. Я, наверно, впервые по-настоящему понял, что означает старое, полуутерянное сейчас выражение «играть песню». Пели без музыкального сопровождения, но захватывающе ясно и слаженно. За все время я не услышал не только ни одной фальшивой ноты, но и не заметил ничего нарочитого, искусственного, хоть как-то рассчитанного на эффект.

«Что за прелесть здешняя деревня!» — мог бы сказать вслед за поэтом всякий посетивший этот уединенный уголок России.

Много я видел на своей земле прекрасных мест, но ни одно из них досель, признаюсь, не волновало мое воображение так, как болдинский простор.

ЮГОСЛАВСКИЕ ПОЛИГРАФИСТЫ В СССР

...В конце 1830 года по приказу князя Милоша Обреновича были приобретены в Петербурге две печатные машины. Эти машины прибыли в Белград в мае 1831 года, а в сентябре этого года типография начала работать. Это страница из истории рождения крупнейшего в Югославии Белградского издательско-типографского предприятия. Сегодня оно в числе 110 полиграфических предприятий входит в объединение «Графоимпенкс», которое гостит в Советском Союзе.

В московском Политехническом музее была открыта экспозиция югославской полиграфии, организованная Государственным комитетом Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли совместно с югославским объединением «Графоимпенкс».

Более полутысячи наименований книг, красочные каталоги, газеты, журналы, календари, репродукции картин художников, открытки, географические атласы — это далеко не полный перечень того, что привез «Графоимпенкс» в Советский Союз. На красочном параде в Политехническом музее были представлены также образцы обоев на ткани и пластике, бумажная «галантерея» — конверты, блокноты, этикетки и даже привычные для наших хозяек пакетики концентрата горохового супа, упаковки которого делаются в Югославии.

Специалисты с большим интересом знакомились с различными видами типографской краски, клея и т. д.

Выставка «Достижения полиграфической промышленности Югославии» проводится в соответствии с планами культурного и научного сотрудничества

Москвичи знакомятся с «Графоимпенксом».

Фото А. Нефедова.

между нашими странами. В конце прошлого года в Белграде и Загребе успешно прошла выставка советской книги, посвященная пятидесятилетию образования СССР.

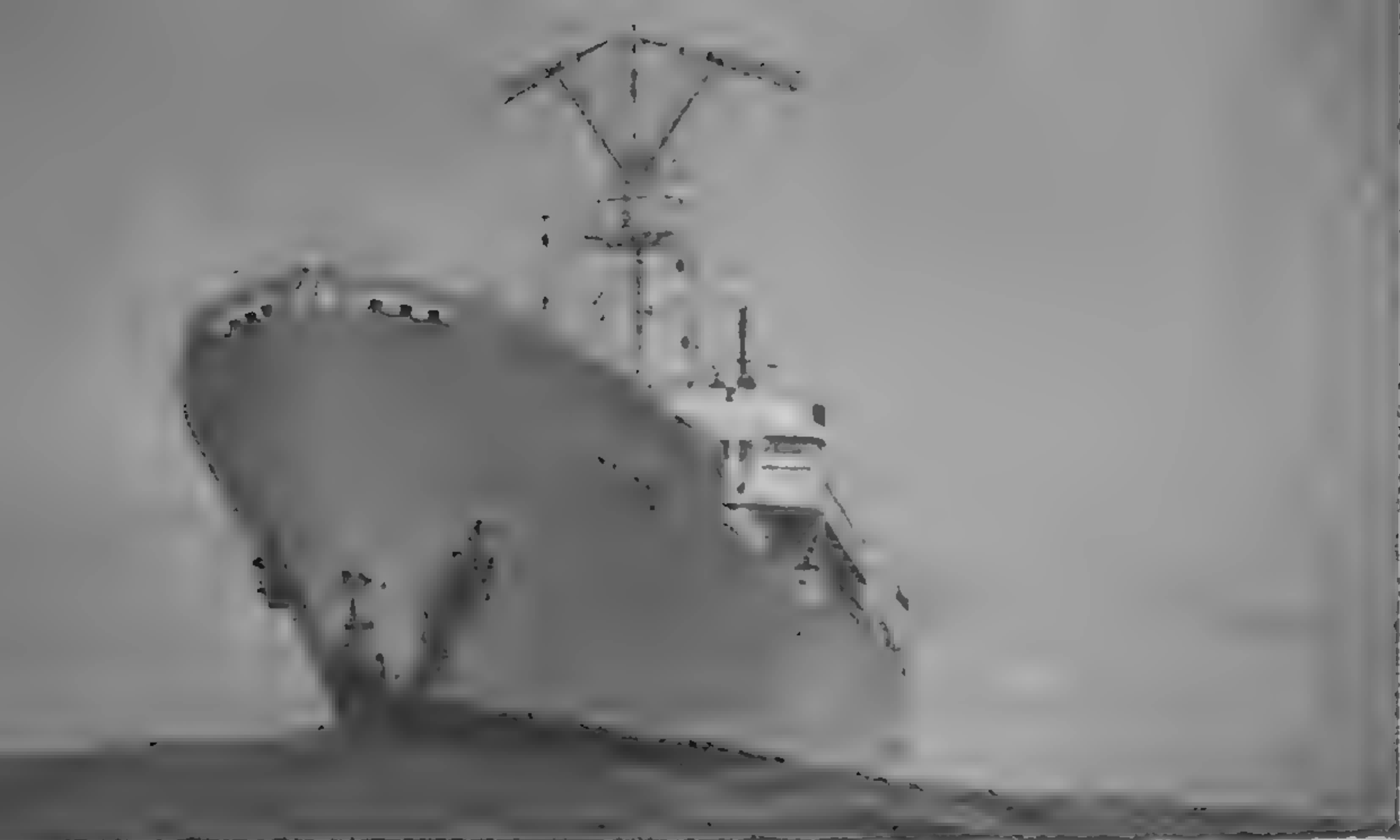
— Во время пребывания в Советском Союзе представители нашего объединения встретятся со своими коллегами, — от-

метил на открытии экспозиции директор «Графоимпенкса» Душан Цекич. — Это, несомненно, послужит дальнейшему укреплению наших торговых и производственных связей.

Из Москвы выставка переместится в Ленинград, где будет работать до 4 июля.

И. ИВАНОВ

Советское судно погоды «Прибой».

С дрейфующей льдины в Беринговом море берутся колонки льда.

Визит американских ученых.

ЭКСПЕРИМЕН

Закончился советско-американский научный эксперимент «Беринг». Активное участие в нем принимал корабль-лаборатория «Прибой» Дальневосточного научно-исследовательского гидрометеорологического института.

Какие цели стояли перед учеными — участниками эксперимента? Как он проходил? На эти вопросы мы попросили ответить заместителя капитана по научной работе ЕВГЕНИИ НИКОЛАЕВИЧА НЕЛЕПОВА.

Берингово море не самое уютное место на планете. Дрейфующие льдины километровой длины. На крупной зыби воды мерно раскачивается наш белый теплоход: двадцать лабораторий и 104 человека — моряки и научные работники различных специальностей.

Где-то севернее дрейфует американский ледокол «Стейтен айленд». На аэродромах Чукотки и Аляски готовятся к старту советский и американский самолеты-лаборатории.

В чем заключается советско-американский научный эксперимент «Беринг»?

Известно, что наша Земля излучает в мировое пространство электромагнитные колебания. Научиться правильно расшифровывать радиосигналы планеты — означает получить мощное средство для исследования процессов, протекающих на поверхности морей и океанов. Спутник, оборудованный соответствующей аппаратурой, может

собрать эти радиосигналы и вернуть их назад, на Землю, в соответствующие центры. Сигналы содержат информацию о распределении температуры воды, высотах волн на судоходных трассах, плавающих льдах, их проходимость, территории, где идет дождь и снег. Для решения серьезной научной проблемы, имеющей глобальное значение, целесообразно объединить усилия советских и американских ученых. Так родилась идея эксперимента.

Одновременно с двух самолетов шло измерение радиоизлучения ледяного покрова, штормовой поверхности моря, зон выпадения дождей. Эти данные сопоставлялись с результатами измерений, выполненных кораблями. Участники эксперимента — Гидрометеорологическая служба СССР и Национальное управление по космическим исследованиям и аэронавтике США.

Как же проходил эксперимент «Беринг»?

...Перед его началом до позднего вечера велись радиопереговоры штабов экспедиций на мысе Шмидта и в Анкоридже: выбирался вариант полета, уточнялись де-

тали. Ночью поступила радиограмма: «В 22 часа 15 минут гринвичского времени совместная работа по ледовому варианту. «Прибою» следовать в точку 60°24' северной широты 177°46' западной долготы».

С рассветом вошли в дрейфующий лед. Маневрируем среди разводий, форсируем узкие перемычки. Напряженно работают вахтенные метеорологи: ежесекундно измеряются скорость и направление ветра, температура и влажность воздуха, высота облачности, горизонтальная дальность видимости, давление атмосферы и многие другие параметры. Авиация пока еще зависит от напризов погоды, и одна из задач нашего судна — метеорологическое обеспечение безопасности полетов. Сводки погоды немедленно передаются по радио на мыс Шмидта и через «Стейтен айленд» — в Анкоридж.

Получено сообщение: самолеты вылетели точно в срок и следуют в заданный квадрат. До их прихода необходимо произвести вертикальный зондаж атмосферы: измерить температуру и содержание водяного пара на разных высотах, определить направление и скорость воздушных течений. Радиозонд выпускают техники-аэрологи Светлана Максименко и Виталий Яковлев. В своем отряде они общепризнанные асы. Выпустить зонд при сильном ветре, да еще когда все обледеневает, — дело не простое. Двухметровый резиновый шар, наполненный гелием, стремительно вырывается из ветрозащитного приспособления и, удачно избежав рокового столкновения с кормовой мачтой,

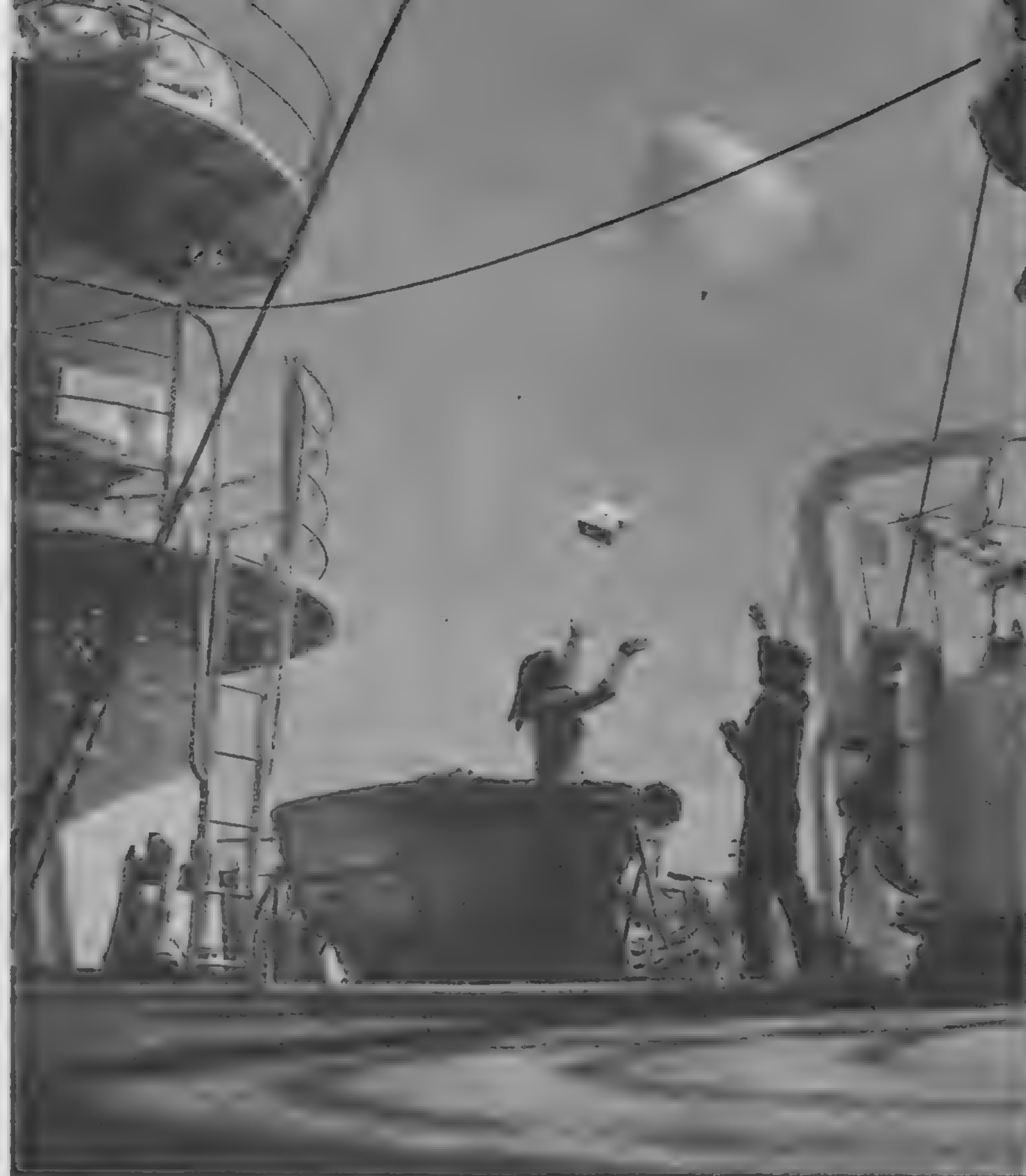
плавно поднимается вверх. Под ним на длинном шнуре раскачивается небольшой контейнер с приборами и радиопередатчиком. Медленно вращается параболическая антенна локатора: сопровождение зонда автоматическое. У пульта — опытный инженер Константин Васильевич Сизов. На широкой ленте, выползающей из печатающего блока, — длинные колонки цифр. Поступающие данные обрабатываются немедленно.

Советские и американские самолеты приближаются к кругу. В радиорубке слышна английская речь — обмен приветствиями, информацией о работе аппаратуры, о режимах полетов. С этого момента сводки погоды передаем уже непосредственно на самолеты. Судно ложится в дрейф, выполняя роль радиомаяка.

Метеорологические наблюдения учащаются. Включены автоматические устройства — непрерывно регистрируется инфракрасное излучение поверхности льда, солнечная радиация. Летящие лаборатории работают на большой высоте — 8—10 тысяч метров. Лишь изредка, при ясном небе можно увидеть длинную белую полосу — след инверсии. Во второй половине дня самолеты уходят на свои базы.

На судне начинается новый этап исследований — в работу включается группа специалистов из Арктического и Антарктического научно-исследовательского института во главе с кандидатом физико-математических наук Г. П. Хохловым. Это народ бывалый — за плечами опыт зимовок в Антарктиде, на дрейфующих станциях «Северный полюс».

Идет запуск радиозонда.

Роберт А. Мосс приветствует
советских гостей.

Т «БЕРИНГ»

Фото
В. КУЗНЕЦОВА
и В. ЯЧИНА.

Капитан «Прибоя» Павел Григорьевич Кабанков озабочен: льдины вокруг небольшие, в непрерывном движении под действием ветра и течения. Высадить ученых на них не так уж сложно, а вот поднять обратно на борт в целостности и сохранности нелегко: малейшая неточность маневра — расколешь или перевернешь льдину. Наконец удалось прижаться подветренным бортом к обломку посolidнее, теперь дело за боцманом. Владимир Дмитриевич Прокопенко плавно разворачивает грузовой кран, бережно опускает на металлической площадке «парашюте» Евгения Володина и Виктора Морозова. Быстро вращаются кольцевые буры, извлекаются длинные столбики льда. На мостике беспокоятся: «Побыстрее, ребята, нас сильно дрейфует, ветер усиливается». Наконец исследователи, ко всеобщему удовольствию, на палубе. Работы ледовикам теперь на всю ночь — предстоит определить электрофизические, механические и химические параметры отобранных проб. Пожалуй, это единственные участники нашего рейса, которые радуются арктическим морозам: образцы льда в процессе исследования сохраняют свои естественные свойства.

...Несколько дней назад к югу от Японии зародился циклон. Синоптики внимательно следят за его эволюцией. В радиосиноптической лаборатории стучат телетайпы, принимающие сводки многочисленных метеостанций, из фототелеграфных приемников медленно выползают чуть влажные факсимиль-

ные карты погоды, составленные в Хабаровске и Токио. Циклон прошел вдоль цепочки Курильских островов, захватил край Камчатки и приближается к району эксперимента.

Наш главный синоптик — Екатерина Петровна Домбковская, кандидат географических наук, научный сотрудник Гидрометцентра СССР.

Екатерина Петровна — всеобщая любимица, мягкий, душевный человек, специалист с колоссальным опытом и эрудицией, энтузиаст. Если синоптики и ошибаются, то только не она. Вот и сейчас ее прогноз безошибочен — завтра ожидается штормовой ветер, наиболее целесообразны полеты по варианту «волнение».

Выбираемся из льдов и уходим на юг, поближе к циклону. По условиям эксперимента нужна волна покрупнее — высотой 5—7 метров.

По судовой трансляции разносится голос старпома Александра Федоровича Веденева: «Во всех лабораториях жилых помещений закрепить все по-штормовому». Снова над нами проходят самолеты, взлетают зонды, ведутся учащенные метеонаблюдения. Только все сложнее — сильная качка, стрелки кренометров отклоняются от вертикали до 35°. Ведущая роль сейчас принадлежит отряду волновых наблюдений из Государственного океанографического института. Специальные приборы регистрируют высоты и периоды волн. В работе волнографа можно быть уверенным — в составе экспедиции его конструктор Борис Андреевич Максимов.

«Прибой» постепенно обледеневает. Ветер срывает гребни волн и обдаёт судно каскадом замерзающих брызг. Палубные механизмы, укрытые заранее брезентом, превращаются в ледяные глыбы. Потемнело в помещениях — толстая ледяная корка закрыла иллюминаторы. По ориентировочным подсчетам, вес судна увеличился на полсотни тонн.

Раздается команда: «Всем выйти на окошку льда». В ход пошли кирки, лопаты, шланги с кипятком. Несколько часов дружной работы, и «Прибой» принял свой прежний вид, разве что палубу и надстройки придется кое-где подкрасить.

В напряженном трудовом ритме недели эксперимента летят незаметно. И вот начальник радиации Володя Якубов принимает радиogramму: «СССР. Корабль погоды «Прибой». Пожалуйста, сообщите мне вашу позицию и планы на ближайшие 12 часов. Если сегодня в полдень вы будете находиться достаточно близко для моих вертолетов, вероятно, я смогу сделать вам визит. Командир ледокола «Стейтен айленд» Роберт А. Мосс».

Приглашение последовало незамедлительно. «Прибой» входит в лед, движется на сближение. Американский ледокол сообщает, что вертолеты взлетели, следуют к нам. Гости поднимаются по шлюптрапу. Колоритные фигуры в летних комбинезонах, черные окладистые бороды. У нас в гостях капитан Роберт А. Мосс и физик-гляциолог Рене Рамсей.

Взаимные приветствия, представления. И, конечно, тосты за советско-американское научное сотрудничество, успех эксперимента, обмен впечатлениями о совмест-

ной работе. Но гости поглядывают на часы: «Горючего у вертолетов осталось всего на 20 минут полета, выключить двигатели невозможно, лед непрочен».

Наши радисты следят за полетом вертолетов вплоть до посадки на палубу ледокола. Снова поступает радиogramма: «Примите сердечное спасибо от меня и нашего ученого Рене Рамсея за визит на ваш прекрасный корабль. Мы сожалеем, что не смогли побыть подольше. Не считите нас невежами, вертолетам едва хватило горючего вернуться на «Стейтен айленд», и мы не хотели бы уйти под лед. Благодарим всех вас за гостеприимство: замечательное угощение, напитки и товарищество. Поздравляем с успехом эксперимента «Беринг». Р. Мосс».

А теперь американскому ледоколу пора на север — в порт Ном, нам — в Ванкувер. Рейс продолжается, впереди комплекс океанографических исследований в более теплых широтах.

Эксперимент «Беринг» окончен, но работы продолжают. Полученные материалы пройдут длительную обработку, всесторонний анализ. Через 3—4 месяца стороны — участники эксперимента обменяются первыми научными результатами. Окончательно итоги будут подведены в начале будущего года на Международном симпозиуме. Советско-американское научное сотрудничество продолжается.

На дистанции Валерий Самсонов.

ГРЕБЦЫ ПРИМОРЬЯ

Мастер спорта международного класса по гребле на байдарке Виктор Иванченко.

Москва знаменита хоккеем, Сибирь — лыжами, а Приморье — греблей. Всему миру известны имена приморцев — Степана Ощепкова, Валентины Шубиной, Вячеслава Кононова, Анатолия Ильина и многих других, неоднократно приносивших золото сборной команде СССР на мировых чемпионатах и Олимпийских играх. Сборная Приморья — шестикратный чемпион Российской Федерации.

Греблей в Приморье занимаются и стар и млад. С весны и до поздней осени скользят по глади Амурского залива байдарки и каноэ. Мальчишки из детской спортивной школы делают первые гребки. Именитые мастера из школы высшего спортивного мастерства готовятся к большим соревнованиям.

Спортивная жизнь гребцов Приморья не останавливается в зимние месяцы, когда основная тренировочная база скована льдом. Гребцы выезжают на турбазу «Горный воздух». Здесь местом для тренировок служит незамерзающее водохранилище Партизанской ГРЭС.

— Сейчас наши ребята усиленно готовятся к предстоящему чемпионату мира, — говорит заслуженный тренер СССР Анатолий Иванович Ильин. — Кандидатами в сборную страны названы шесть гребцов нашей школы: Вячеслав Кононов, Виктор Белоусов, Валерий Жиделев, Сергей Корчагин, Валерий Самсонов, Геннадий Морев. Гребцы в хорошей форме и в ближайших соревнованиях смогут показать свои возможности.

В. КУЗНЕЦОВ,
сборкор «Огонька»

Фото автора.

КРОССВОРД

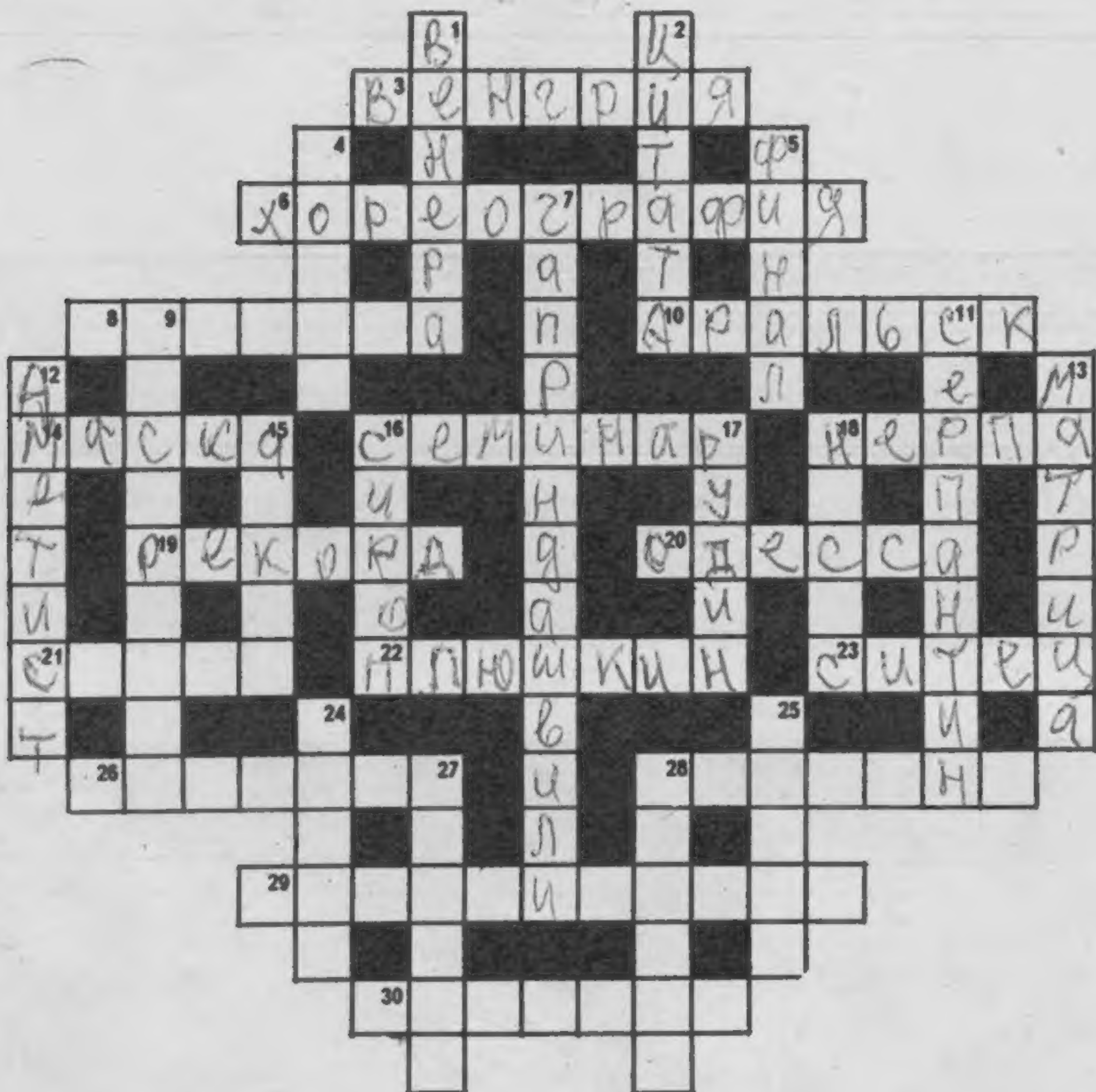
По горизонтали: 3. Государство в Европе. 6. Искусство танца. 8. Зерновая культура. 10. Порт в Казахстане. 14. Принадлежность карнавального костюма. 16. Групповое занятие по специальной теме, предмету. 18. Ластоногое животное. 19. Наивысшее достижение. 20. Город-герой. 21. Химический элемент. 22. Персонаж поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». 23. Хлопчатобумажная ткань. 26. Река в Иркутской области. 28. Духовой инструмент. 29. Коробка для сбора растений. 30. Советский писатель.

По вертикали: 1. Планета. 2. Выдержка из текста. 4. Автор триптиха «Александр Невский». 5. Заключительная встреча участников соревнования. 7. Чемпионка мира по шахматам. 9. Архитектор, построивший Зимний дворец в Петербурге. 11. Лента из цветной бумаги. 12. Полудрагоценный камень. 13. Форма для отливки типографского набора. 15. Гуцульский танец. 16. Концентрированный раствор сахара. 17. Роман И. С. Тургенева. 18. Созвездие южного полушария неба. 24. Отрицательно заряженный ион. 25. Холодное оружие. 27. Метод научного исследования. 28. Римский поэт.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

По горизонтали: 2. Эскалатор. 4. Симферополь. 9. Мортира. 10. Спидвей. 14. «Варяг». 15. Маслова. 17. Делиб. 18. Фонотека. 19. Занзибар. 20. Пинск. 21. Афафина. 24. Пешка. 27. Цилиндр. 28. Ударник. 30. Металлургия. 31. Амплитуда.

По вертикали: 1. Флора. 2. Элиста. 3. Рулада. 5. Ферма. 6. Попов. 7. Помяловский. 8. Телевидение. 11. Газолин. 12. Флигель. 13. «Дикарна». 15. Мокша. 16. Агама. 22. «Федра». 23. Надир. 25. Сирена. 26. Орбита. 29. Алжир.

На первой странице обложки: Вашингтон. 18 июня. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Президент США Р. Никсон на баллоне Белого дома.

Телефото специальных корреспондентов ТАСС В. Мусаэльяна и В. Соболева.

На последней странице обложки: В лесу.

Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Е. ПУЗАНОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Научи и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-38-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 4/VI-73 г. А 00091. Подп. к печ. 19/VI-73 г. Формат 70 × 108/16. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1203. Тираж 2 150 000 экз. Заказ № 686.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Ольга Ченчикова
(СССР. Серебряная медаль).
и Валерий Анисимов

Ольга
САХАРОВА
Фото
Евгения
УМНОВА.

МОЛОДОСТЬ БАЛЕТА

Второй Международный конкурс артистов балета в Москве назвал своих победителей. Гран-При, учрежденный Большим театром, завоевала семнадцатилетняя ученица Пермского хореографического училища Надежда Павлова. Золотые медали получили кубинка Ампаро Брито Гонсалес, советские танцовщики Александр Годунов и Вячеслав Гордеев. Серебряными лауреатами стали ученица Пермского хореографического училища Ольга Ченчикова, киевляне Людмила Сморгачева и Валерий Ковтун, австралийцы Мэрилин Роу и Келвин Коу, канадка Кэрин Кайн, Петер Шауфус (Дания). Бронзовых медалей удостоены Татьяна Чередищенко (Киев), Маргарита Дроздова (Москва), Татьяна Таякина (Киев), Вадим Тедеев (Москва), Борис Бланков (Ленинград) и кубинец Андрес Уильямс Диего.

Вновь, как и четыре года назад, после третьего тура до глубокой ночи участники конкурса, их педагоги и многочисленные болельщики ждали результатов последнего, решающего голосования жюри. Если первенство Нади Павловой было безоговорочно признано уже с первого тура, то дальнейшее распределение лауреатских званий предсказать было довольно затруднительно. И причина того крылась не столько в различии пристрастий и вкусов, сколько в необычайно высоком общем уровне конкурса. Собственно, каждый из молодых исполнителей, прошедших на третий тур, может стать гордостью любой балетной труппы. А ведь их было двадцать три. И только огромный опыт, тонкое профессиональное чутье корифеев балета и музыки, входивших в состав жюри, помогли строго и беспристрастно выстроить юных артистов на ступеньках конкурсного Олимпа.

Пройдет еще немало времени, пока творческие итоги этого интереснейшего балетного форума будут тщательно проанализированы теоретиками и практиками балетного театра, обобщены критиками. Но уже сейчас можно говорить о главных уроках конкурса, об основных тенденциях в развитии хореографии, еще раз проявившихся в насыщенной двухнедельной его программе.

Еще увереннее, чем на предыдущем конкурсе, подтвержден приоритет советской балетной школы. Она была представлена очень весомо танцовщиками из Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Алма-Аты и Перми. Но широта географии и разнообразие стилевых почерков только подчеркнули неразрушимое единство принципов советской хореографической педагогики.

Одухотворенность сценических образов, наполненность самых, казалось бы, условных балетных характеров полнокровной жизнью были и остаются для нас драгоценной традицией русского и советского искусства. Примечательно, что во всем мире творческий поиск большинства молодых балетных дарований, судя по конкурсу, направлен именно на постижение танцевального образа как бы изнутри, не от движения к характеру, а от характера к движению. Вот тогда зритель становится неисчерпаемостью нюансов, заложенных в каждом классическом движении. Труднейшее па-де-де из «Дон-Кихота» включила в свою программу не одна балетная пара. И если танцовщик или балерина стремились показать только, «как я это умею делать», — они терпели фиаско. Но когда в бессмертной композиции Горского на ваших глазах оживала Китри, то кокетливая, то лукавая и озорная, и ее верный возлюбленный Базиль, тоже каждый раз по-новому неожиданный, — вы забывали считать, сколько фуэте прокрутила балерина, и припоминать, кто из танцовщиков лучше делает жэте. Вас захватывает стихия танца, его экспрессия. И сто раз виденное раньше па-де-де, исполненное японской, кубинской или советской парой, вдруг предстает теперь новой картиной.

Классический танец прошел через все три тура, с каждым этапом поднимая участников конкурса на более высокую ступень мастерства.

Здесь в полную силу раскрылась одаренность каждого из лучших — участников третьего тура. М. Дроздова и В. Тедеев, Е. Балуева и Б. Бланков, Л. Сморгачева и А. Годунов, К. Кайн и Ф. Огустин показали свою интерпретацию па-де-де из III акта «Лебединого озера». Это были очень разные дуэты: и по манере исполнения и по трактовке образов. Стремительная, уверенная в могуществе своих чар Одиллия Дроздовой не походила на более мягкую, вкрадчивую Одиллию Балуевой, а коварная героиня Сморгачевой — на ослепительную обольстительницу канадской балерины Кайн. Так же, как мягкий и сдержанный Принц Тедеева был не схож с лиричным, изящным Принцем Бланкова, утонченно-романтическим героем Годунова и Принцем-кавалером канадца Огустина. К сожалению, по двум вариациям трудно судить об этой партии в исполнении блистательно выступившего на конкурсе танцовщика из Дании П. Шауфуса.

Изумительное проникновение в замысел композитора и хореографа обнаружили юные героини конкурса — ученицы Пермского хореографического училища Надежда Павлова и Ольга Ченчикова. Детская непосредственность, радостное узнавание жизни, первой любви светятся в каждом движении Павловой — Маши в «Щелкунчике». Ее почти неправдоподобно легкие батманы, воздушные прыжки, элевация настолько органично вписываются в рисунок образа, что, кажется, именно для нее была создана эта партия, написана эта музыка. Оля Ченчикова учится в одном классе с Надеждой у заслуженного работника культуры РСФСР Людмилы Павловны Сахаровой. Можно только низко поклониться этому талантливому педагогу, неутомимой, требовательной, заразительно-темпераментной женщине. Я бывала на ее уроках в Перми — как много она требует от своих учениц и как неизмеримо много им дает! Помню ее замечание одной из девочек: «Ты технику проглотил! И чтобы ее никто и никогда не видел!» Да, ни у Павловой, ни у Ченчиковой техники как таковой нет — есть танец! Принцесса Аврора Оли Ченчиковой — это зримое воплощение музыки Чайковского, она рождена ею и живет в ней. Она так же гармонично-прекрасна, целомудренна, чиста. В ней — не передаваемая словом грация просыпающейся женственности, мягкая, тонкая улыбка.

С большим успехом выступили на конкурсе кубинцы Ампаро Брито Гонсалес и Андрес Уильямс Диего. Точность, завершенность пластического рисунка, музыкальность принесли им заслуженную награду.

Надолго запомнится всем зрителям конкурсных выступлений красивая, жизнерадостная пара из Австралии. В классических па-де-де из «Тщетной предосторожности» (в интересной редакции Ф. Аштона) и из «Эсмеральды» австралийские артисты сумели ярко, горячо проявить свою индивидуальность, заражая зал упоением молодостью, светом, счастьем, лукавым юмором. Пожалуй, на конкурсе они были самой современной молодой парой. Правда, надо сразу оговориться: эта современность танков старых балетных образов проявилась лишь в классике. В современном номере — отрывке из балета «Джемини» — неожиданно исчезло все обаяние и молодость этого дуэта и осталась лишь великолепная техника. Довольно, признаться, скучная.

Вообще, к сожалению, на втором туре, где все участники показывали современные номера, открытий было меньше, чем ожидалось. Долгое и нудное «лежание» на полу, сменяющееся набором трудно исполнимых и еще более трудно понимаемых движений; напряженные лица, с ложной многозначительностью устремленные в никуда, бесплодно-пошлая эротика — все это составило немалую часть в программе современной хореографии. Музыка в таких случаях часто замещалась перестуком метронома, всхлипами струн рояля, просто шумами. Музыка здесь и не нужна. Ее отстраняют. Так же, как не нужны специальные костюмы (их тоже устранили). И мысль. Ее и не было.

Но, к счастью, рядом с такими номерами были показаны другие — сочинения К. Сергеева, четыре миниатюры Г. Майорова, дуэт из «Спартак» в постановке Ю. Григоровича, интересные композиции французского балетмейстера Р. Пети и кубинца А. Мендеса. В них есть то, чем жива хореография. Чувства и мысли человека, его сердце, его разум. И выражено это не просто движением, а танцем. Поэтому зритель видит в них не исполнителей, а балетных артистов, не «наблюдает» за происходящим на сцене, а переживает вместе с героями. Хотелось бы подробнее остановиться на сочинениях молодого киевского балетмейстера Генриха Майорова. У него вполне сложившийся творческий почерк, ясное художническое кредо. Его композиции лиричны и музыкальны, очень интересны по своей пластике, современной и необычной, и всегда жизнерадостны.

Вопрос о путях развития современной хореографии стоит сейчас очень остро. Недаром так взволнованно обсуждали его на теоретической конференции деятели балета, приехавшие на конкурс. Ведь это не только проблема репертуара — это проблема воспитания зрителя и актера. Самый талантливый танцовщик, отданный во власть балетмейстера-формалиста, неизбежно утрачивает свою творческую индивидуальность, опускается до уровня актера-робота. А это слишком дорогая плата за бесплодное экспериментаторство.

Скоро покинут Москву последние гости интереснейшего творческого состязания. Через четыре года к нам приедут новые молодые артисты балета со всего мира. Кто-то из них сейчас учится, кто-то только начинает свою карьеру в театре. Но они уже сейчас мечтают о будущих встречах в Москве. Как и нынешний конкурс, это будут прекрасные фестивали балета, на которых происходит плодотворное взаимодействие национальных балетных школ, направлений хореографии. Значит, балет по-прежнему будет оставаться молодым, красивым и дерзновенным.

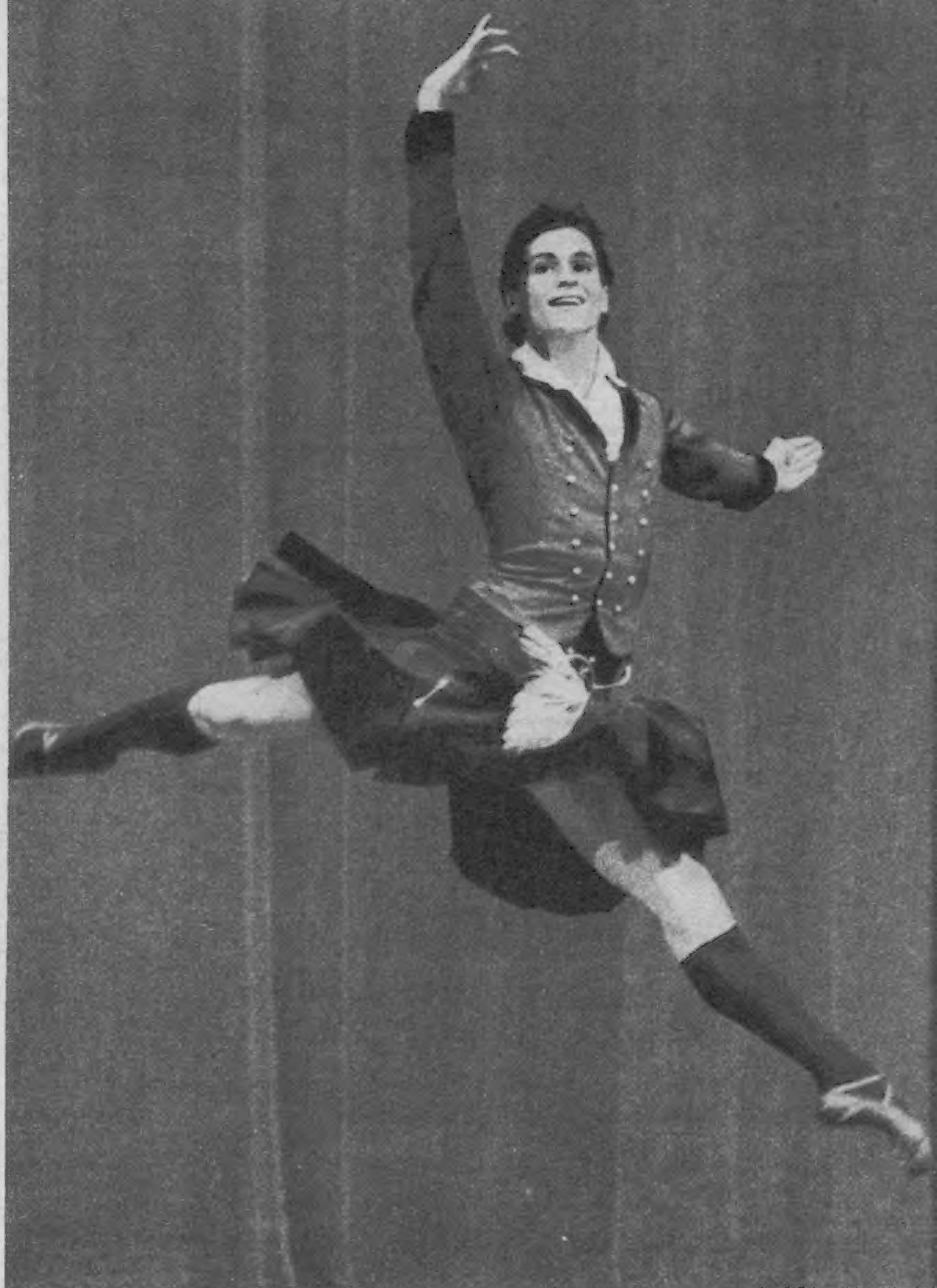
1 Петер Шауфус (Дания. Серебряная медаль).

2 Надежда Павлова (СССР. Гран-При Большого театра), Вячеслав Гордеев (СССР. Золотая медаль).

3 Кубинцы Ампаро Брито Гонсалес (Золотая медаль) и Андрес Уильямс Диего (Бронзовая медаль).

4 Кэрин Кайн (Канада. Серебряная медаль).

5 Александр Годунов (СССР. Золотая медаль).

1

3

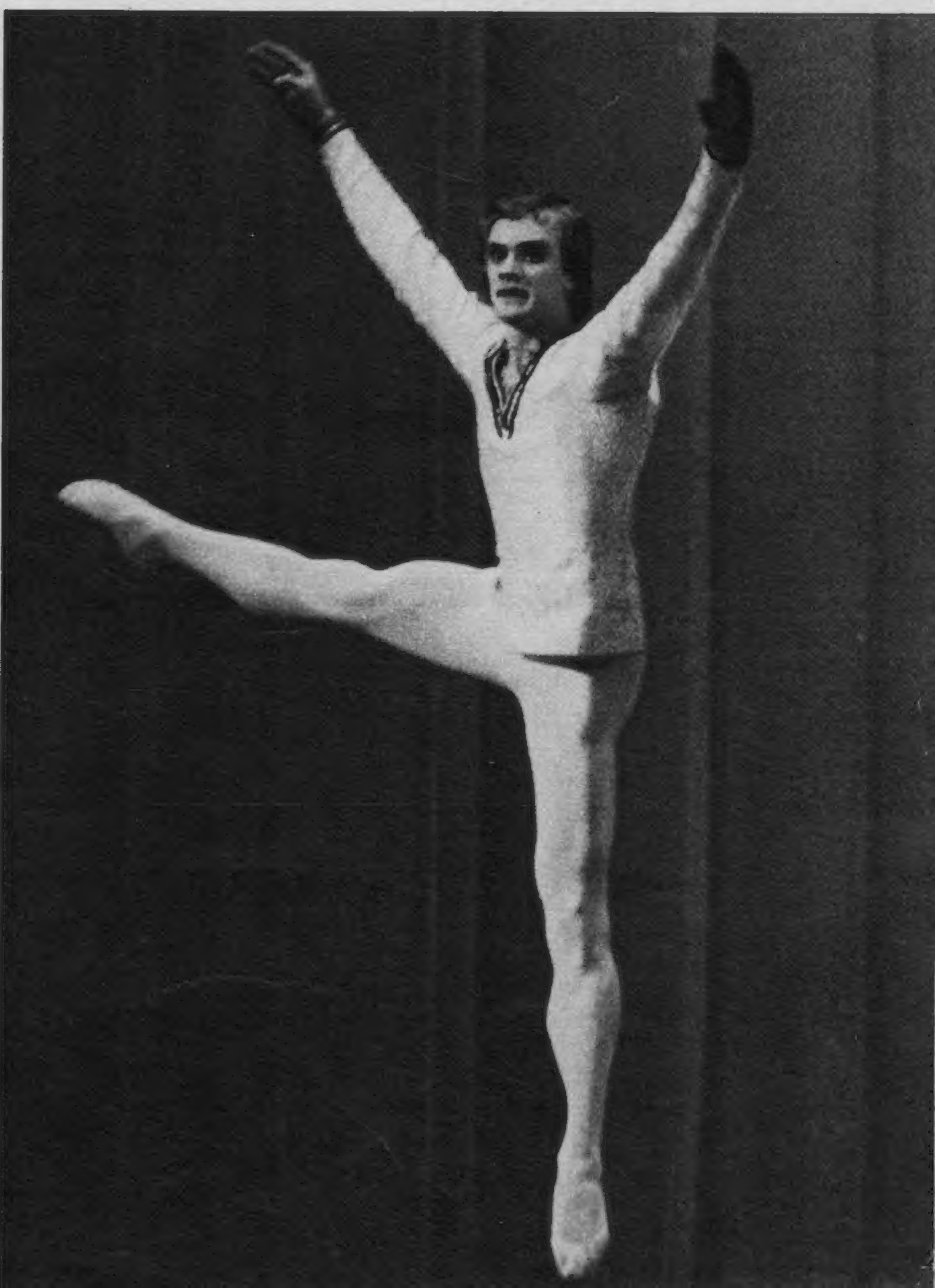

2

4

5

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663